

Ника Мур. Сюрприз в сугробе.

Ника Мур

**Сюрприз в сугробе.
Замуж за Морозко**

Ника Мур

**Сюрприз в сугробе.
Замуж за Морозко**

«Литнет»

2026

Мур Н.

Сюрприз в сугробе. Замуж за Морозко / Н. Мур — «Литнет»,
2026

Думала, перебрала с шампанским на банкете агрономов? Как бы не так!
Я, Мария, владелица процветающего фермерского хозяйства, очнулась
в сугробе. На мне — сто одежек, во рту — орехи, а вокруг скачет дед с
посохом и спрашивает, тепло ли мне. Аниматор? Скрытая камера? Нет!
Я попала в сказку «Морозко»! И не в кого-нибудь, а в ту самую вредную
Марфушеньку! Только я не она. Визжать не буду, женихов требовать — тоже.
А вот порядок наведу! Дом утеплю, Настеньку от мачехи защищу, корову
откормлю, ягоды выращу и даже нечисть в лесу всю построю в шеренгу.
А этот ледяной «дед»... Погодите-ка, а почему он выглядит всё моложе и
смотрит на меня так, будто хочет не заморозить, а согреть? Ну держись,
Морозко! Я выращу клубнику даже в твоём ледяном тереме, а твоё сердце
растоплю быстрее, чем весеннее солнце! В тексте вас ждут: *# Неунывающая
попаданка с характером и бизнес-хваткой Бытовое фэнтези: строим теплицы,
наводим уют и шокируем сказочных жителей *# Властный Герой (Морозко),
который окажется шикарным мужчиной Юмор и ирония: орехи, свиньи в
упряжке и агро-фитнес на морозе *# Противостояние характеров и горячая
любовь Счастливый конец (ХЭ) обязательно! — Тепло ли тебе, девица? —
Слышь, дед, выключай кондиционер! У меня озимые померзнут, а ты тут
ветками хрустишь! И вообще, где мой приз за стрессоустойчивость? ♥#
Читать, смеяться и греться! ♥#

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5(Настенька)	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Агротехника выживания в условиях экстремального корпоратива

Холод пробирался не снаружи, а словно рождался где-то в недрах организма, в районе поясницы, которой я, очевидно, прижалась к чему-то ледяному и шершавому. Во рту стоял отчетливый, вязущий привкус сырой древесины и... ореховой шелухи?

Я дернула челюстью. Раздался хруст, от которого завибрировали даже коренные зубы. Язык автоматически отделил твердое от мягкого, и я, не открывая глаз, сплюнула ошметки скорлупы влево.

Так. Стоп.

Я попыталась восстановить хронологию событий. Последнее, что помнила моя оперативная память — банкетный зал «Агро-Ехро 2024». Мы отмечали закрытие сезона и мой личный триумф: сорт клубники «Сладкая королева» взял золото в номинации «Лучшая зимостойкость». Было шампанское? Было. Был тот навязчивый поставщик удобрений, который пытался напоить меня какой-то крафтовой настойкой на кедровых орехах? Кажется, тоже был.

Неужели я настолько потеряла бдительность, что уснула в фотозоне? Там как раз стояли декоративные елки и искусственные сугробы из синтепона.

Я разлепила один глаз. Ресницы слиплись, словно их намазали клеем ПВА.

Передо мной, насколько хватало взгляда, простиралась белая, искрящаяся под низким солнцем равнина. Снег. Много снега. Очень много натурального, черт побери, снега. Это был не синтепон. Синтепон не пахнет озоном и не заставляет нос моментально терять чувствительность.

Я сидела под огромной, разлапистой елью. Нижние ветки, тяжелые от снежных шапок, лежали на земле, создавая подобие шалаша. Но уютным этот шалаш не был. Было холодно так, что зуб на зуб не попадал.

— Ну, Семеныч, — прохрипела я, обращаясь к невидимому организатору банкета. Голос звучал странно: грубее, ниже и как-то... визгливее? — Ну удружил. Выключи кондиционер, скотина! У нас в договоре аренды прописана температура плюс двадцать два!

Тишина. Только где-то вдалеке каркнула ворона, да с ветки упал ком снега, угодив мне прямо за шиворот.

Я взвизгнула и подскочила. Точнее, попыталась подскочить. Тело, обычно послушное и натренированное годами работы на грядках и в теплицах, вдруг оказалось неподъемным. Я глянула вниз и обомлела.

На мне было надето всё. Вообще всё.

Какой-то необъятный тулуп из овчины, пахнущий старым бараном, который умер своей смертью еще при царе Горохе. Под ним — яркая, вырвиглазная душегрея, расшитая бисером. Дальше — юбка. Еще юбка. И еще одна. Я чувствовала себя капустой, которую забыли убрать с поля до заморозков. На ногах — валенки. Огромные, подшитые кожей, твердые как камень.

Руки... Я вытянула перед собой руки. Пухлые, с ямочками на костяшках, пальцы были унижены дешевыми перстнями со стекляшками. Ногти короткие, обгрызенные.

— Это что за бодипозитив? — прошептала я, ощупывая себя. — Где мои фитнес-часы? Где мои мозоли от секатора?

Рука сама собой нырнула в карман тулупа, нащупала там горсть чего-то твердого. Орехи. Лещина. Я достала один, поднесла к глазам.

— Мелкий, — констатировала я автоматически, включив режим агронома. — Скорлупа пятнистая, признаки грибкового поражения. Влажность явно выше нормы. Фуфло, а не орех. Третий сорт — не брак.

И тут же, помимо моей воли, рука сама собой поднесла орех ко рту. Хрясь! Челюсти сомкнулись с силой гидравлического пресса. Я даже пискнуть не успела, как скорлупа разлетелась в мелкие щепки.

— Тьфу ты! — Я выплюнула труху на снег. — Горько. И сухо. Я же говорила — пересортица. Кто вообще поставляет фундук в скорлупе на вип-фуршет? Это же моветон! Зубы сломать можно, а у меня виниры...

Стоп. Я провела языком по зубам. Свои. Родные. Крепкие, широкие, как забор из штакетника. Никакой керамики.

Паника, холодная и липкая, как подтаявшая медуза, начала подниматься откуда-то из желудка. Я попыталась вскочить, но гравитация в этом странном месте работала с двойным коэффициентом. Тулуп весил тонну. Юбки путались в ногах, создавая эффект стреноженной лошади.

— Эй! — крикнула я в гулкую пустоту леса. — Организаторы! Слышите? Шутка затянулась! Где выход на парковку? У меня такси ждет, счетчик тикает!

В ответ — только скрип деревьев. Лес стоял стеной. Настоящий, вековой бор. Коробельные сосны уходили макушками в небо, ели смыкали мохнатые лапы, закрывая солнце. И тишина. Такая плотная, ватная тишина, какой не бывает в городе даже ночью. Ни гула трассы, ни музыки, ни пьяных воплей коллег, обсуждающих квартальный отчет.

Только мороз. Он кусал за щеки, щипал нос и пробирался под подолы моих многочисленных юбок с настойчивостью налогового инспектора.

— Ладно, — выдохнула я, выпуская облачко пара. — Спокойно, Маша. Без паники. Это квест. Реалистичный, дорогой квест с полным погружением. Видимо, генеральный решил не скупиться на тимбилдинг. «Выживание в дикой природе». Ну, спасибо, Петр Алексеевич.

Сверху раздался подозрительный треск.

Я задрала голову, щурясь от яркого света. Верхушка ели, под которой я сидела, дрогнула. Посыпалась хвоя, шишки и, конечно же, очередная порция снега.

— Да вы издеваетесь?! — взвизгнула я, стряхивая сугроб с плеча. — У меня же укладка! Вы знаете, сколько стоит салон в праздники? Я на вас в суд подам за порчу имущества!

И тут он появился.

Спрыгнул с ветки, как перезревшая шишка, прямо в сугроб передо мной. Дед.

Классический такой Дед Мороз из бюджетного утренника. Шуба синяя, бархатная, но видно — поношенная, кое-где молю бита. Шапка набекрень. Борода белая, густая, но какая-то всклокоченная, будто он в ней спагетти ел. А в руках — посох. Деревянный, сучковатый, выглядит тяжелым.

— О, аниматор, — буркнула я, не впечатлившись. — Наконец-то. Слышь, дед, давай без прелюдий. Где тут пункт обогрева? У меня ноги в этих... валенках... уже чувствительность теряют.

Дед выпрямился, стукнул посохом о землю так, что гул пошел по ногам. Глаза у него были странные — ледяные, колючие, совсем не добрые. Видимо, вжился в роль по системе Станиславского.

Он набрал в грудь воздуха, раздулся, как индюк, и пророкотал басом, от которого с соседней березы ворона упала:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Я скептически осмотрела его с ног до головы, достала из кармана очередной орех (руки сами тянулись, нервное, видимо) и щелкнула им.

— Сценарий устарел, отец, — ответила я, выплевывая скорлупу в сторону его красных сапог. — Ты бы хоть репертуар обновил. Двадцать первый век на дворе, а ты всё «девица» да «красная». Я, между прочим бизнесвумен, хозяйка агрофермы «Сладкая ягода». Ко мне по имени-отчеству надо.

Дед поперхнулся. Его кустистые брови, похожие на два заснеженных куста, поползли вверх.

— Чего? — переспросил он, растеряв весь пафос. — Какая еще ягода зимой? Ты, девка, умом тронулась от стужи?

— От стужи я тронусь, если ты, старый пень, не перестанешь тут спектакль ломать, — я попыталась встать, опираясь спиной о ствол ели. Тулуп скрипел, но поддавался. — Давай, веди к автобусу. И выключи ветродуйку! Реально дубак! У нас по договору плюс двадцать два в помещении должно быть!

— Плюс двадцать два? — Дед прищурился. В его глазах мелькнул недобрый огонек. — Жарко тебе, значит? Ну-ну...

Он вдруг сорвался с места и начал бегать вокруг ели. Быстро так, резво для пенсионера. Посохом стучит, снегом кидается. Ветер поднялся такой, что у меня перехватило дыхание. Елки заскрипели, застонали. Мороз ударил с новой силой — аж до костей пробрало, будто меня жидким азотом облили.

Я почувствовала, как немеют пальцы ног. Нос, кажется, уже превратился в сосульку.

— Так, — пробормотала я, стуча зубами. — Это уже не смешно. Спецэффекты на уровне, конечно, но техника безопасности нарушена грубейшим образом. Гипотермия первой стадии: озноб, побледнение кожных покровов. Если сейчас не согреюсь — замедлится метаболизм.

Что делает агроном, когда замерзает в поле? Правильно. Двигается.

Я, кряхтя и проклиная лишний вес этого тела (и эти чертовы юбки!), выползла из-под ели на открытое пространство.

— Ну погоди у меня, пенсионер, — прошипела я. — Я тебе такой отзыв на сайте накатаю, вовек не отмоешься.

Встала. Ноги на ширине плеч. Тулуп тянул вниз, но я уперлась.

— Раз! — Я присела. Колени хрустнули громче, чем сухие ветки под ногами деда.

— Два! — Встала, выдыхая пар.

— Три! — Снова присед. Глубокий, качественный, чтоб ягодичную мышцу прочувствовать.

Дед, нарезавший уже третий круг, вдруг споткнулся и чуть не выронил посох. Остановился. Смотрит на меня, рот открыл. Ветер сразу стих, только снежинки медленно падали на его шапку.

— Ты чего творишь, чудная? — спросил он. Голос у него был уже не страшный, а скорее ошарашенный.

— Берпи делаю, не видно, что ли? — огрызнулась я, продолжая приседать. — Раз ты, халтурщик, не можешь обеспечить нормальные условия, приходится самой греться. У меня, между прочим, режим. И вообще... Фух...

Я выпрямилась, уперла руки в бока (найти талию под слоями одежды было сложно, но я обозначила направление). Лицо горело — то ли от мороза, то ли от злости, то ли от приседаний.

— Ты зачем вокруг дерева носишься, вандал? — наехала я на него, переходя в наступление. — Ты посмотри, что ты наделал! Ветки поломал, кору повредил! А корневая система? Ты же землю утрамбовываешь, аэрацию нарушаешь! Ель денег стоит, это же ценная порода! Кто ущерб возмещать будет? Лесхоз? Или лично ты из своей пенсии?

Дед Мороз (а я всё еще надеялась, что это аниматор Петрович, просто очень талантли- вый) попятился. Он явно не ожидал, что «жертва» начнет качать права и читать лекцию по агротехнике.

— Тепло ли тебе... девица? — спросил он снова, но уже как-то неуверенно, с опаской.

— Да тепло мне, тепло! — рявкнула я, поправляя сбившийся платок. — Я сейчас еще десяток подходов сделаю, вообще жарко станет. Ты мне лучше скажи, дед, приз-то будет? Или

я зря тут фитнесом занимаюсь? В буклете было написано: «Подарки всем участникам». Где мой подарок?

Дед моргнул. Потом еще раз. Почесал затылок под шапкой, сбив её на другой бок.

— Ну ты и... гром-баба, — пробормотал он, и в его голосе прозвучало даже какое-то уважение. — Такую заморозить — это ж сколько силы надо потратить.

Он стукнул посохом о землю. Снег взвихрился, закружился маленьким смерчем. Я прищурилась, прикрывая лицо рукой.

«О, голограмма пошла, — подумала я. — Бюджет освоили, молодцы».

Когда снежная пыль осела, передо мной стоял сундук. Большой, кованый, с морозными узорами на крышке. Выглядел он солидно, тяжеловесно.

— Вот, — буркнул дед. — Держи. Заслужила. Не ныла, не пищала, еще и зарядку сделала. Бери и езжай с глаз долой, пока я не передумал. У меня от твоего голоса мигрень начинается.

Ничего себе..Спецэффекты...Молодец Петр Алексеевич!..Я подошла к сундуку. Попинала его валенком. Твердый.

— Надеюсь, там не набор пробников косметики? — уточнила я деловито. — Или, не дай бог, грамота «Лучший работник года»? Мне деньгами бы лучше. Или сертификатом в спа.

Дед закатил глаза, махнул рукавом. Из леса, с диким визгом и хрюканьем, вылетела тройка... свиней. Огромных, розовых, с ледяной коркой на щетине, запряженных в расписные сани.

Я уставилась на это чудо селекции.

Офигеть, не встать! Свиньи! Живые! Во дают!-подумала я

— Свиньи? Серьезно? — Я повернулась к деду. — Это что за креатив? Почему не олени? Не хаски? А год свиньи, понятно, но это же несолидно! Как я на этом в люди покажусь? Это удар по имиджу!

— Какие есть, — огрызнулся дед, явно теряя терпение. — Транспорт эконом-класса. Садись давай, пока они не разбежались. Они у меня бешеные, на желудях мутировавших вскормленные.

Я вздохнула. Ладно. Свиньи так свиньи. В конце концов, это даже символично. Год Свиньи и все такое.. А может это просто намек на качество сервиса?.

— Помоги хоть погрузить, — кивнула я на сундук. — Или сервис «от двери до двери» не включен?

Дед пробормотал что-то непечатное (кажется, на старославянском), взмахнул посохом, и сундук сам собой плюхнулся в сани. Сани просели, свиньи недовольно хрюкнули.

Я, подобрав юбки и кряхтя, полезла следом. Уселась на сундук, укуталась в тулуп.

— Ну, бывай, дед, — махнула я ему рукой. — Но за елку я все-таки жалобу напишу. Нельзя так с природой. Варварство это.

Дед только рукой махнул, мол, вали уже. Свиньи взвизгнули, рванули с места так, что меня вжало в спинку саней (которой не было, так что просто чуть не опрокинуло назад).

Лес замелькал по сторонам пестрой лентой. Ветер свистел в ушах. Я ехала на свиньях по зимнему лесу, сидя на сундуке, грызла орехи и думала:

«Креативненько. Очень креативненько. Но если в этом сундуке не коньяк, я организаторов из-под земли достану. И, кстати, почему у меня руки такие... пухлые? Может, аллергия на холод?»

Я поднесла руку к лицу, разглядывая чужой перстень с мутным стеклом. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, но я задавила его профессиональным цинизмом.

«Разберемся, — решила я. — Главное — добраться до цивилизации, принять горячий душ и найти зарядку для телефона. А с аниматорами потом разберусь. Дебет с кредитом у меня всегда сходится».

Сани подпрыгнули на кочке, я прикусила язык и чуть не выронила орех. Впереди показалась опушка и дым от печных труб.

— Цивилизация! — обрадовалась я. — Ну, держитесь. Антикризисный менеджер Мария едет к вам!

Глава 2

Свиной дрифт и зеркальные неприятности

Если вы когда-нибудь пробовали мчаться на заниженной «приоре» по свежевспаханному полю под аккомпанемент расстроенного баяна, то вы имеете лишь слабое, бледное представление о том, что такое поездка на волшебных свиньях.

Свиньи не бежали — они летели низко над землей, работая копытцами с частотой швейной машинки «Зингер». Хрюканье стояло такое, будто за нами гналась вся голодная нечисть этого леса, а подвеска у саней отсутствовала как класс. Каждый бугорок, каждая веточка отдавались в моем новом, непривычно массивном теле зубодробительным звоном. Я мертвой хваткой вцепилась в края ледяного сундука, чувствуя, как под пальцами хрустит иней, а пятая точка постепенно превращается в кусок замороженного филе.

— Поберегись! — заорала я, когда мы едва не вписались в вековую сосну.

Ветер тут же забил рот колючим снегом. Воздух пах озоном, морозом и... как ни странно, карамелью. Похоже, у этого Деда Мороза были специфические представления о выхлопных газах.

— Тормози, бекон ходячий! — я попыталась нащупать хоть какие-то рычаги управления. — Где тут ручник? Педаль газа заклинило?

Сани резко подпрыгнули на поваленном стволе, и я на долю секунды ощутила состояние невесомости. В голове пронеслась короткая, но емкая мысль: если я сейчас вылечу из этого транспортного средства, мой «бизнес-план» закончится, не успев начаться. Но нет, притяжение сработало — я рухнула обратно на сундук с грацией мешка картофеля, выбив из него глухой, гулкий звук.

Свиньи-мутанты даже не обернулись. Их розовые хвосты-крючки ритмично подергивались, выполняя роль габаритных огней. Я присмотрелась. Животные работали на чистом азарте: по дороге они умудрялись на лету подхватывать замерзшие желуди, которые, судя по искрам, вылетающим из ртов, служили им высокооктановым топливом.

— Так, — пробормотала я, стараясь дышать через раз, чтобы не наглотаться ледяных игл. — Проанализируем активы. У нас имеется: транспортное средство повышенной проходимости — три единицы. Грузоподъемность — впечатляющая. Экологичность — сомнительная. Запас хода — до ближайшего корыта.

Я попыталась расправить плечи, но четырехслойная броня из юбок и тулупа делала меня похожей на Царь-колокол в зимней одежке. Моя правая рука сама собой нырнула в карман и выудила пригоршню орехов. Челюсти, работая автономно от мозга, тут же захрустели скорлупой.

— Прекратить жрать на рабочем месте! — скомандовала я своему новому организму. — Мы в условиях неопределенности, надо экономить ресурсы.

Организм ответил мне очередным «хрясь». Видимо, у Марфуши был встроенный инстинкт грызть всё, что не прибито, в любой непонятной ситуации.

Лес вокруг мелькал смазанными пятнами. Сосны, ели, березы... По агрономическим меркам угодья были запущены. Самосев, отсутствие санитарной вырубki, сухостой. «Эх, — подумала я, — сюда бы бригаду с бензопилами и пару самосвалов удобрений. Такой лес пропадает!».

Вдруг свиньи резко заложили вираж вправо, и сани вынесло на открытое пространство — замерзшее лесное озеро. Солнце, висевшее низко над горизонтом, ударило по глазам миллионом маленьких зеркал. Лед был прозрачным, как слеза налогового инспектора после успешной проверки, и в нем, как в гигантской витрине, отразилось наше шествие.

Но мой взгляд зацепился не за свиней. Я посмотрела на боковую грань сундука. Он был покрыт тонким слоем прозрачного льда, который работал как идеальное параболическое зеркало.

— Мама дорогая... — выдохнула я, и орех выпал из моего открытого рта прямо в сугроб. На меня из зеркальной глади смотрело нечто.

Нет, я знала, что я теперь не та подтянутая Мария Викторовна в деловом костюме от «Массимо Дутти». Но реальность оказалась куда более суровой.

На меня глядело круглое, как полная луна, лицо, щедро раскрашенное в стиле «я у мамы светофор». Щеки пылали таким ядреным свекольным румянцем, что казалось — если к ним поднести спичку, они вспыхнут. Брови... Боже, кто рисовал эти брови? Две жирные черные гусеницы, выведенные сажей, сошлись на переносице в решительном протесте против здравого смысла. Глазки-щелочки, припухшие, будто я неделю не выходила из запоя в кондитерском отделе, и рот, вечно полуоткрытый, обнажающий крепкие, как у лошади-тяжеловоза, зубы.

— Это что за контуринг? — прохрипела я, ощупывая свое лицо. — Кто делал этот макияж? Пьяный леший на корпоративе?

Я схватила горсть снега и попыталась оттереть свеклу. Снег моментально стал розовым, но лицо только приобрело более зловещий, размазанный вид. Я теперь напоминала не просто Марфушеньку, а Марфушеньку, которая только что вышла из рукопашного боя с борщом. И проиграла.

— Так, Мария, спокойствие, — я зажмурилась, чувствуя, как внутри закипает профессиональная ярость. — Это не катастрофа. Это ребрендинг в стиле «хоррор». Бывает. Плохой пиар — тоже пиар.

Но стоило мне снова открыть глаза и взглянуть на свои руки — пухлые, с короткими пальцами в дешевых стекляшках, — как картинка окончательно сложилась.

Банкетный зал. Настойка на кедровых орехах. Петр Алексеевич, обещавший «незабываемый трип». И тишина.

— Значит так. прошептала я, стараясь не поддаваться панике. ..спокойно ..это просто сон...дурной сон...я сейчас зажмурюсь крепко крепко ..и оп! Я открыла глаза ..меня прошиб ледяной ужас...ничего не изменилось.. Я умерла. Вот так просто, подавившись орехом на пике карьеры. Мои теплицы, мои патенты на сортовую клубнику, мой строящийся коттедж — всё осталось там, в мире, где люди пользуются смартфонами, а не свиньями.— Я — попаданка. В сказку. Причем в ту самую, где героиню в конце оставляют в лесу, а антигероиню... то есть меня... выдают замуж за позор и нищету.

Я посмотрела на свиней. Они весело похрюкивали. Я посмотрела на сундук. Он был холодным и тяжелым.

— Ну уж нет, — я сжала кулаки, и один из перстней болезненно впился в кожу. — Если судьба решила выкинуть меня в этот средневековый симулятор, она плохо меня знает. Я из убыточного колхоза сделала агрохолдинг за три года. Я заставила клубнику расти в открытом грунте под Вологдой! А с какой-то сказкой я уж точно разберусь.

Свиньи вынесли сани на опушку. Лес расступился, открывая вид на деревню. Она выглядела именно так, как в старых советских фильмах: покосившиеся избы, дым из труб, заваленные снегом плетни. Запахло березовыми дровами и баней.

— Привет, историческая родина, — буркнула я, поправляя платок. — Надеюсь, у вас тут есть хотя бы элементарное мыло. Потому что первое, что я сделаю — это уволю своего стилиста. То есть маменьку.

Сани влетели на главную улицу. Снег разлетался в стороны, как сахарная пудра. Мимо промелькнул какой-то мужик в тулупе, который от неожиданности выронил ведро с водой. Вода тут же превратилась в лед, а мужик — в соляной столп.

— Сири, — позвала я привычно, — построй маршрут до ближайшего пункта выдачи адекватности.

Тишина. Только свиное хрюканье.

— Ладно, будем ориентироваться по запаху пирогов, — решила я.

Мы неслись мимо домов. Из окон выглядывали любопытные физиономии. Кто-то крестился, кто-то смеялся, показывая пальцем.

— Смейся-смейся, электорат, — прошипела я, чувствуя, как просыпается мой внутренний кризис-менеджер. — Скоро я проведу тут инвентаризацию и введу налог на неуместные шутки.

Впереди показался большой, крепкий дом с резными наличниками. У ворот, подбоченясь, стояла монументальная женщина в красном платке — вылитая Маманя. Рядом с ней, сжавшись в комок, переминалась с ноги на ногу тонкая фигурка в легком сарафанчике. Настенька. Мой будущий «линейный персонал».

— Тпру-у-у! — закричала я, пытаясь изобразить командный голос. — Стоять, копытные! Финишная прямая!

Свиньи, словно почуяв родное корыто, выдали феерический дрифт. Сани развернуло боком, они подняли целое облако снежной пыли и замерли ровно в ста метрах от Мамани. Та даже не шелохнулась, только глаза её загорелись жадным огнем при виде сундука.

Я сидела на вершине этого магического груза, всклокоченная, с размазанной свеклой на лице и пустой скорлупой от ореха на воротнике.

Глава 3

Возвращение «Блудной дочери»

Снежная пыль, поднятая нашим эффектным дрифтом, медленно оседала на шапки соседей, превращая их в подобие сахарных пончиков. Свиньи, лишённые инерции движения, тут же переключились с бега на деструктивную деятельность. Та, что была слева — я про себя окрестила её Турбиной за особо громкое, присвистывающее сопение, — немедленно впиалась зубами в столбик нашей калитки.

Хрусть.

Звук был сочным, влажным. Древесина, судя по всему, держалась на честном слове и молитвах, потому что щепки полетели во все стороны.

— Отставить вандализм! — гаркнула я, пытаюсь сползти с сундука. — Это муниципальная собственность! Ну, почти.

Попытка спуститься грациозно провалилась с треском. Ноги в валенках, за время пути превратившиеся в две ледяные колоны, отказались сгибаться. Я мешком с картошкой свалилась в сугроб у полозьев, подняв ещё одно облако снега. Где-то в глубине души Мария Викторовна, уважаемый агроном, поморщилась: «Грубое нарушение техники безопасности. Не застрахована, инструктаж не прошла. Штраф». Но Марфуша внутри меня просто хотела в тепло и, желательно, кого-нибудь ударить. Я подавила этот рефлекс, сжав кулак в варежке.

— Батюшки! И правда она! Живая! — раздался чей-то сиплый голос со стороны соседнего плетня.

Я подняла голову, отплевываясь от попавшей на губы снежной крошки. Вкус у неё был металлический, холодный.

Ага. Живая. Как же. Самая что ни на есть мертвая. — мысли унеслись куда то далеко... затем медленно вернулись в мое нынешнее тело...

Я огляделась вокруг

Из-за заборов, как грибы-поганки после дождя, вылезали местные жители. Зрелище, прямо скажем, удручающее. Инфраструктура деревни кричала о глубоком кризисе: крыши латаны соломой, которая помнила еще царя Гороха, заборы напоминали полосу препятствий, а лица граждан выражали такую степень суеверного ужаса, будто я приехала не на свиньях, а верхом на баллистической ракете.

— Чего уставились, бюджетники? — я поднялась, отряхивая тяжеленный тулуп, который весил больше, чем вся моя прошлая жизнь. — Цирк уехал, клоуны остались? Внеплановая проверка материальных ценностей! Всем разойтись по рабочим местам!

Толпа качнулась назад. Видимо, тон «строгости начальства» в этих широтах был в новинку — здесь привыкли либо к барскому кнуту, либо к бабьему визгу. Мой же голос, прокуренный морозом и закаленный совещаниями с нерадивыми поставщиками, звучал как приговор. Какой-то мужик с топором за поясом — типичный «разнорабочий без мотивации» — выронил челюсть так низко, что она едва не встретилась с его же лаптями.

Я обернулась к нашему подворью.

Прямо ко мне, вздымая сугробы грудью, как ледакол «Арктика» льды Карского моря, неслась Маманя. Её красный платок развевался на ветру боевым знаменем, а лицо выражало такую гремучую смесь восторга, жадности и паники, что я невольно сделала шаг назад, прикрываясь ледяным боком сундука.

— Марфушенька! Душенька! Ягодка моя наливная! — взвыла она, сокращая дистанцию с пугающей скоростью. — Вернулась! И с приданым! Ой, дедушка-то не обманул, ой, наградил сиротку!

Прежде чем я успела выставить локти в защитную позицию, меня поглотило облако запаха. Это был сложный букет: пережаренный лук, несвежая овчина, дешевый ладан и удушающая материнская любовь. Маманя прижала меня к своей необъятной груди с такой силой, что у меня перед глазами поплыли годовые отчеты. Ребра Марфуши, скрытые под слоем жирка и тремя кофтами, жалобно скрипнули.

— Маманя... отставить... удушение... — прохрипела я, пытаюсь высвободить хотя бы одну руку, чтобы не задохнуться в недрах её телогрейки. — Кислород перекрыли!

— Ой, исхудала-то как! — причитала она, наконец отпуская меня, но тут же принимаясь ощупывать, как таможенник подозрительный груз. Её шершавые ладони прошлись по моим щекам, размазывая остатки свекольного макияжа еще сильнее. — Глаза-то, глаза — как у волка голодного! А рожа-то... Марфуш, ты чего, в лесу с лешими дралась? Чего это ты в краске-то вся, да пятнами пошла? Аллергия, что ль, на еловую пыльцу?

— Это производственные издержки, — я наконец вырвалась из её цепких рук, поправила сбившийся на затылок платок и вдохнула морозный воздух полной грудью. — Маманя, прекратите истерику. Мы теряем драгоценное время. Где логистическая поддержка? Почему ворота настежь, а персонал бездействует?

Маманя замерла, хлопнув белесыми ресницами. В её водянистых глазах промелькнуло мимолетное подозрение, что доченька в лесу не только подмерзла, но и головой об сосну приложилась конкретно. Слова «логистическая поддержка» и «персонал» явно не входили в её лексикон, состоящий в основном из уменьшительно-ласкательных суффиксов и отборных проклятий в адрес падчерицы.

Кстати, о падчерице.

Настенька стояла чуть поодаль, у самого крыльца, вжавшись в резной столб так, будто хотела слиться с древесиной и стать элементом декора. Тонкая, бледная, в одном легоньком сарафанчике и дырявой шали на таком морозе — прямо ходячая антиреклама охраны труда. Губы у неё посинели, и она дрожала так сильно, что я слышала стук её зубов даже сквозь довольное чавканье Турбины, доедающей калитку.

В её огромных глазах, полных слез, застыл привычный, выдрессированный годами страх. Она ждала. Ждала, что сейчас «любимая сестрица» начнет орать, требовать горячего сбитня, таскать её за косу и, по старой доброй традиции, запустит в неё валенком или поленом.

Я смотрела на неё и видела не сказочную героиню, а классического выгоревшего сотрудника. Потенциал есть, исполнительность на уровне, но мотивация ниже плинтуса, а уровень кортизола зашкаливает. С таким персоналом каши не сварить, а бизнес не построишь. Затюканный работник — это брак на производстве.

— Настя, — позвала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без тех визгливых ноток, которые, видимо, шли в базовой комплектации этого тела.

Сестра вздрогнула и почти присела, инстинктивно прикрыв голову руками.

— Не губи, Марфушенька! — пискнула она срывающимся голосом. — Всё сделаю! И печь истопила, и полы вымыла, и воды наносила... Только не бей!

— Настя, прекрати этот дешевый мелодрамматизм, — я поморщилась. Голова начинала гудеть от холода и шума. — У нас на повестке дня разгрузочно-погрузочные работы, а не театральная постановка крепостного театра. Встань ровно. Осанку испортишь — замуж никто не возьмет, так и будешь в девках куковать со сколиозом.

Настя медленно выпрямилась, глядя на меня как на говорящую шуку, которая вдруг начала цитировать Трудовой кодекс.

— Возьми... — начала я и осеклась.

Взгляд упал на её тонкие руки, красные от мороза и тяжелой работы. Кожа обветренная, костяшки побелели. Если она сейчас потащит этот сундук, у неё позвоночник в трусы рассып-

лется. А мне нужны здоровые работники. Больничные листы в этом веке не оплачиваются, а ДМС у Морозко не предусмотрено.

— Нет, сама не бери, пупок развяжется, — поправила я себя. — Мужиков зови. Вон, соседи за забором уши греют. Пусть сундук в избу тащат. И скажи им — осторожно! Если хоть одну зазубрину на отделке поставят или, не дай бог, уронят — депремирую всех до седьмого колена. Прокляну так, что у них куры нестись перестанут, а коровы начнут молоко с уксусом давать. Поняла?

Настя подняла на меня взгляд. Удивление на её лице начало медленно, словно ледоход по весне, вытеснять ужас. Марфуша, которая заботится о чужом здоровье? Марфуша, которая говорит сложными предложениями без мата и угроз физической расправы? Это был системный сбой. В её голубых глазах читалось: «Error 404: Evil Sister not found».

— Чего встала? — Мамадя опомнилась первой. Её материнский инстинкт подсказывал: если дитячко командует, значит, так надо. Она немедленно включила режим «верного зама». — Слышала, чего Принцесса сказала? А ну бегом за кузнецом Микулой и сыновьями его! Живо! Одна нога здесь, другая там!

Настенька сорвалась с места, едва не запутавшись в собственных стоптанных валенках, и помчалась к калитке, на ходу подбирая шаль.

Я же перевела тяжелый взгляд на свиней. Турбина уже догрызла верхнюю перекладину и теперь примерялась к петлям. Две другие свиньи — одна пятнистая, другая совершенно белая, с наглыми голубыми глазами — рыли снег у крыльца, пытаются откопать прошлогоднюю траву.

— Так, а эти биологические активы куда? — я указала рукавицей на хрюкающую тройку. — Есть у нас парковочное место? Хлев, загон, крытое складское помещение?

— Так в сарай их, радость моя! — Мамадя засуетилась вокруг меня, стряхивая несуществующие пылинки с моего плеча и пытаясь одновременно заглянуть в замочную скважину сундука. — Ох, и кабаны! Жирные! Сала-то сколько будет... Смалец натошим, колбас накрутим! На три зимы хватит!

Свиньи, словно поняв намек на их гастрономическое будущее, хором издали такой грозный, низкочастотный рык, что с крыши сарая съехала шапка снега, а Мамадя резво отпрыгнула к колодцу, перекрестившись. Из ноздрей Турбины вылетело облачко синеватых искр, и она посмотрела на мою мать взглядом, в котором читалось: «Сама ты колбаса, старая».

— Не советую, — заметила я сухо, выплевывая очередную скорлупку от ореха (рука снова сама потянулась в карман, проклятый рефлекс Марфушиного тела). — Это спецтехника от Морозко. У них, похоже, встроенная защита от несанкционированного забоя. И характер скверный. Загони их в сарай, но аккуратно. И дай чего-нибудь пожевать. Только не калитку. Калитку я сама спишу по акту ветхости, когда новый забор ставить будем.

— Новый забор? — Мамадя моргнула. — Да на какие шиши, доченька? Мы ж последние медяки на твои румяна потратили... Да на петушков сахарных...

-Румяна? Что Вы потратили? Из свеклы мои румяна-грозно шикнула я на маманю

— На сундук смотри, — я кивнула на ледяной ящик, который переливался на солнце, как огромный бриллиант. — Там наш стартап капитал. Надеюсь.

Через десять минут во дворе было не протолкнуться. Пришел кузнец Микула — огромный, бородатый мужик, похожий на медведя, которого разбудили раньше марта. С ним были два сына, такие же угрюмые и плечистые. От них пахло железом, махоркой и той особой деревенской безысходностью, которая бывает у людей, работающих за еду и идею.

Они косились на свиней с опаской (Турбина щелкнула зубами в сторону младшего сына, и тот побледнел), на мой «боевой раскрас» — с недоумением, а на сундук — с благоговейным трепетом. Сундук, кстати, начал вести себя странно: от него исходил ощутимый холод, и снег вокруг него не таял, а наоборот, покрывался ледяной коркой.

— Ну, взяли! — скомандовал Микула, плюнув на широкие ладони и ухватившись за кованые ручки. — Эх, раз! Тяжелый, зараза! Словно камней накидали или мертвеца свинцом залили.

— Типун тебе на язык, ирод! — взвизгнула Маманя, бегая вокруг них кругами, как курица-наседка. — Золото там, золото червонное! Осторожней! Углы не обейте! Посуду не поколотите! Жемчуга не рассыпьте!

Я наблюдала за процессом, прислонившись спиной к дверному косяку. Пока мужики пыхтели, я успела провести беглый аудит фасада.

М-да. При ближайшем рассмотрении дом выглядел еще печальнее. Нижние венцы подгнили — грибок, сразу видно. Наличники облезли, краска шелушилась, как кожа после жесткого пилинга. Ступеньки крыльца скрипели на разные лады, исполняя похоронный марш при каждом шаге грузчиков. Окно на чердаке забито фанерой — теплопотери колоссальные.

«Объект категории "С минус"», — вынесла безжалостный вердикт моя внутренняя Мария Викторовна. — «Аварийное состояние. Требуется капитальных вложений, утепления фасада и замены кровельного покрытия. Но фундамент вроде крепкий, из бутового камня, и расположение неплохое — на возвышенности. Потенциал для роста есть, если руки приложить. И голову».

— Заноси! — скомандовал кузнец.

Процессия с кряхтением втиснулась в сени, едва не снеся косяк сундуком. Маманя пищала, Настя держала дверь, а я шагнула следом, переступая порог своей новой жизни.

Внутри избы было еще хуже, чем снаружи.

Первое, что ударило в нос — это запах. О, этот неповторимый букет «традиционного быта», который в моем мире выветривали бы неделю с открытыми окнами. Смесь вековой пыли, пригоревшей каши, кислой капусты, немытых тел и мокрой шерсти. Если бы депрессия имела запах, она пахла бы именно так.

Освещение — на уровне винного погреба в безлунную ночь. Крошечные оконца, затянутые бычьим пузырем (или очень грязным стеклом? Надо проверить), почти не пропускали света. Единственным источником яркости была печь, но она немилосердно коптила, создавая под потолком черное облако. Тени плясали по закопченным стенам, и в углах, казалось, шевелилось что-то, имеющее много лапок и недружелюбные намерения.

— Ставьте сюда, посреди горницы! — командовала Маманя, смахивая тряпкой крошки со стола прямо на пол. — Вот так, батюшки, красота-то какая! Сияет! Как алтарь!

Мужики с грохотом опустили сундук. Пол жалобно стонал, доски прогнулись, но выдержали. От удара с полки упал глиняный горшок и разбился вдребезги.

— К счастью! — радостно крикнула Маманя, хлопнув в ладоши.

— К убыткам, — мрачно поправила я, снимая тяжелый тулуп и бросая его на лавку. — Минус одна единица посуды.

Я осталась в душгрее и трех юбках. Стало легче дышать, но ощущение грязи вокруг давило на психику. Я провела пальцем по краю стола. На пальце остался жирный, черный след, в котором можно было сажать рассаду. да..та еще горница..

— Всё, мужики, спасибо, свободны, — бросила я кузнецу, который явно ждал приглашения к столу. — Маманя, дай им пирогов с капустой, тех, что вчерашние, и пусть идут. Нечего тут топтаться, у нас режимный объект.

Кузнец крякнул, получил от Мамани завернутые в тряпицу пироги и поспешно ретировался вместе с сыновьями, крестясь на пороге. Видимо, взгляд Марфуши, не обещающий ничего хорошего, действовал лучше любого оберега от сглаза.

Дверь захлопнулась. В избе остались мы трое. И сундук.

Тишина стала вязкой. Только за окном слышалось довольное хрюканье свиней, которые, кажется, нашли компостную кучу.

— Марфушенька... — робко начала Маманя, глядя на меня с обожанием. — Ну, давай открывать! Чего ждем-то? Душа горит!

Я посмотрела на сундук, потом на свои черные от сажи и жира пальцы. Потом на Настю, которая жалась у печи, сливаясь с закопченной побелкой.

— Открывать будем потом, — отрезала я. — Сначала — санитарная обработка.

— Чего? — не поняла Маманя.

— Мыться, маманя. Мыться. И дом отмывать. Потому что в таком свиарнике даже сви-
ням жить стыдно будет. А уж приличной попаданке... тьфу ты, барыне, и подавно.

Я подошла к рукомойнику, висевшему в углу, и заглянула в крошечное, мутное зер-
кальце.

— Ох ты ж ёжик в тумане... — выдохнула я.

На меня смотрело нечто среднее между клоуном из фильма ужасов и шахтером после смены. Свекла, сажа, грязь, шелуха от орехов. И это лицо должно строить бизнес-империю?

— Настя! — рявкнула я так, что с потолка посыпалась сухая штукатурка.

Сестра подпрыгнула.

— Тащи воду! Греем котлы! Сегодня у нас банный день. И пока я не увижу своего насто-
ящего цвета лица, к сундуку никто не подойдет. Ясно?

Настя кивнула так часто, что я испугалась за её шею, и кинулась к ведрам. Маманя рас-
теряннo смотрела то на меня, то на сундук, явно не понимая, какая муха укусила её любимую,
ленивую, грязную доченьку.

А я уселась на лавку, вытянула гудящие ноги и прикрыла глаза. Первый этап — захват
территории — прошел успешно. Теперь предстояло самое сложное: навести порядок в этом
хаосе.

Глава 4

Тайна холодного сундука и исчезающий бекон

Я стояла у мутного окна, зажав в кулаке горсть сухих орехов — единственную валюту, которую этот мир выдал мне без боя. За стеклом, затянутым слоем вековой копоти и морозных узоров, Турбина и её команда деловито догрызали остатки забора. В моей голове уже вовсю щелкали воображаемые счёты. Если правильно составить рацион и не давать им бегать по лесам, к весне мы получим не меньше трёхсот килограммов высококачественной свинины. А если эти твари ещё и плодovиты...

— Так, — пробормотала я, прикидывая рентабельность. — Свинокомплекс «Снежная радость». Начальный капитал — три головы, один ледяной ящик и две штатные единицы персонала с крайне низкой квалификацией.

Вдруг на улице что-то изменилось. Звуки жадного хрюканья сменились странным, вибрирующим гулом. Я прильнула к стеклу, едва не приклеившись носом к ледяному налёту.

Турбина замерла, подняв рыло к небу. Её розовая щетина вдруг начала подергиваться, словно через животное пропустили разряд тока. В следующую секунду раздался звук, который я могла бы описать только как вздох очень разочарованного тромбона. Пф-ф-ф-т!

Прямо на моих глазах мои стратегические запасы сала начали... мерцать. Белая свинья подернулась дымкой, пятнистая стала прозрачной, а Турбина превратилась в облако нежно-розового инея. Секунда — и во дворе не осталось ничего, кроме обглоданного забора и трёх пар глубоких следов на снегу, которые на глазах затягивало изморозью.

— Лизинг закончился, — выдохнула я, чувствуя, как в груди закипает профессиональная обида. — Он просто отозвал активы! Без уведомления! Без акта приема-передачи!

— Ой, батюшки-и-и! — раздался с крыльца истошный вопль Мамани.

Я выскочила в сени, едва не снеся плечом косяк. Маманя стояла на ступенях, сжимая в одной руке огромный кухонный нож, а в другой — пустой ушат. Видимо, она уже вышла проводить инвентаризацию бекона, но реальность внесла свои коррективы.

— Марфушенька! Доченька! Гляди, бесы свиней украли! — она рухнула на колени прямо в сугроб, размахивая ножом. — Сало моё! Колбаски мои! Испарились! Прямо в небо ушли, иродами проклятые!

— Маманя, вставайте, — я подошла и бесцеремонно дернула её за плечо, помогая подняться. — Никто их не крал. Это был типичный контракт с ограниченным сроком действия. Морозко — не меценат, он просто предоставил нам транспорт до места назначения. Гарантийный срок истек, магия дематериализовалась. Смиритесь. Крах мясных фьючерсов — обычное дело в условиях магической экономики.

Маманя смотрела на меня, хлопая глазами, в которых застыла вселенская скорбь по несостоявшимся котлетам.

— Чего ты лопочешь, деточка? Каких фучеров? Свиней нету! Пусто во дворе, как в кошельке у нищего!

— Вот именно. Пусто. А значит — хватит выть на луну, — я развернула её в сторону избы. — У нас в горнице стоит объект, который явно стоит дороже десятка свиней. Идите в дом.

Настенька, уже успевшая натаскать воды и теперь жавшаяся к стене в сенях, смотрела на меня с таким восторгом, будто я только что собственноручно разогнала тучи. Для неё исчезновение свиней-мутантов явно было облегчением — одной заботой меньше.

Мы зашли в горницу. Сундук Морозко сиял в полумраке, как упавшая звезда. От него исходило такое ледяное спокойствие, что даже Маманя мгновенно перестала шмыгать носом. Её глаза снова зажглись привычным огнем жадности.

— Золото... — прошептала она, облизывая губы. — Точно там золото. Я ж чую, как оно там переливается! Жемчуга, камни самоцветные! Марфушенька, ну чего мы ждем? Давай вскрывать!

— Осторожнее, — предупредила я, но было поздно.

Маманя, ведомая инстинктом обогащения, схватила стоявший у печки топор.

— Сейчас мы его... по-нашему, по-простому! — она замахнулась, целясь острием в щель под крышкой.

— Мама, нет! — крикнула я, но сталь уже встретила с магическим льдом.

Раздался звук, от которого у меня заныли зубы — высокий, вибрирующий звон, перешедший в громовой треск. Из места удара вырвался сноп синеватых искр. Маманю отбросило назад так, будто в неё врезался невидимый таран. Она пролетела через полкомнаты и с глухим «бум» приземлилась прямо в кучу старого тряпья у печи.

Топор же не отлетел. Он в мгновение ока покрылся толстым слоем инея, металл стал хрупким, как стекло, и просто рассыпался на мелкие осколки, которые со звоном рассыпались по полу. Сам сундук издал низкое, утробное гудение, похожее на работу высоковольтного трансформатора.

— Маманя! — Настенька бросилась к мачехе.

— Биометрический замок с активной защитой, — констатировала я, потирая виски. — Старый дед — параноик. Настроил фаервол на каждого, у кого IQ ниже восьмидесяти. Мама, вы живы?

Маманя сидела в тряпках, икая и хлопая глазами. Её чепец съехал набок, а на лбу уже наливалась шишка.

— У-у-у... — провыла она. — Укусил! Сундук-то... кусачий! Не пускает! Ой, Марфушенька, погубит он нас! Чернокнижие это!

— Это не чернокнижие, а защита интеллектуальной собственности, — я медленно подошла к гудящему ящику. — Отойдите обе.

— Не подходи, доча! Убьет! — заголосила мать, пытаясь ухватить меня за край юбки. — Вишь, он как рычит, пес ледяной!

Я не слушала. Я чувствовала, как от сундука исходит не просто холод, а некое... приглашение? Вибрация, которая отзывалась в моих пальцах странным покалыванием. Я вспомнила, как Морозко смотрел на меня в лесу — с этим прищуром, мол, «посмотрим, что ты за фрукт».

Я спокойно протянула руку и положила ладонь на массивную крышку, прямо там, где секунду назад рассыпался топор.

Маманя зажмурилась. Настенька прижала руки к груди.

Тишина.

Гудение мгновенно смолкло. Холод под моей ладонью из обжигающего стал... ласковым. Ледяная корка, покрывавшая кованный металл, под моими пальцами начала таять, превращаясь в чистую, прозрачную воду, которая тут же испарилась, обнажая тончайшую резьбу. Сундук словно выдохнул, признавая хозяина.

— Авторизация прошла успешно, — прошептала я, чувствуя, как по губам ползет невольная улыбка. — Админ в системе.

— Ох... — только и смогла выдать Маманя. — Сама... Сама допустила. Принцесса ты наша, точно принцесса! Вишь, как он под тобой стелется!

— Открывать пока не будем, — я убрала руку. Сундук снова подернулся легкой изморозью, закрываясь на «ключ». — Сначала нам нужно подготовить помещение. Я не собираюсь инспектировать содержимое в этом... хлеву.

Я развернулась к женщинам. В моем взгляде сейчас было столько управленческой мощи, что Настенька непроизвольно вытянулась во фрунт.

— Так, персонал, слушаем вводную. У нас чрезвычайная ситуация в области санитарии. Настя, сколько воды в котлах?

— Г-греется, Марфушенька... — пролепетала она.

— Мало. Нужно еще. И найди песок. И щелок. И самую жесткую мочалку, какая есть в этом доме. Маманя!

— Я здесь, ягодка!

— Бросайте свои стенания по свиньям. Сейчас вы берете вот эту тряпку — нет, эту выкиньте, она сама уже может ходить, — я брезгливо отпихнула ногой засаленную ветошь, лежавшую на лавке. — И начинаете отмывать стол. И лавки. И пол. До белого дерева. Чтобы я могла видеть в столе свое отражение и не пугаться.

— Да как же так, доченька? — Маманя попыталась было возмутиться. — Чай, не хоромы боярские, испокон веков так жили... Грязь-то, она для тепла!

— Грязь — это не для тепла, маманя. Грязь — это для бактерий. А бактерии — это мелкие, невидимые глазу вурдалаки, которые жрут ваше здоровье, портят мой цвет лица и делают нас бедными. Мы начинаем санитарную революцию. Либо в этом доме будет пахнуть чистотой и мылом, либо я заберу сундук и уеду обратно к Морозко. Там, по крайней мере, стерильно.

Угроза «уеду к Морозко с сундуком» сработала как магическое заклинание. Маманя, кряхтя и ворча про «новые порядки», схватилась за ведро.

Следующие три часа в избе стоял такой грохот и плеск, будто мы топили титаник. Я не просто командовала — я инспектировала каждый угол.

— Что это? — я ткнула пальцем в темный сгусток за печкой.

— Так... домовой, поди, гнездо свил, — неуверенно предположила Маманя, вытирая пот со лба.

— Это не гнездо домового, это склад биологических отходов. Вымести! Сжечь! Углы обработать кипятком! Настя, не жалея песка! Шоркай так, будто от этого зависит твоя судьба. А она, поверь мне, от этого и зависит. Чистоплотность — это первый шаг к самоуважению.

Настенька работала молча, сосредоточенно. Я видела, как она периодически бросает на меня быстрые, полные недоумения взгляды. Раньше Марфуша заставляла её работать, чтобы поиздеваться. Теперь я заставляла её работать, чтобы... работать. И это ломало её привычную картину мира.

К вечеру изба преобразилась. Конечно, до операционной было далеко, но запах кислоты и застарелого жира сменился ароматом чистого дерева и свежего пара. С окон смыли слой копоти, и в горницу ворвались сиреневые сумерки, отражаясь в высокоблещенных до белизны лавках.

Я устало опустилась на табурет. Тело Марфуши, привыкшее к горизонтальному положению, ныло и требовало калорий. Но лицо... я провела рукой по щеке. Свекла ушла, оставив лишь легкое раздражение, сажа больше не сыпалась в глаза.

— Настя, — позвала я тихо. — Подойди.

Сестра приблизилась, вытирая руки о передник. Она выглядела измотанной, но... живой. В её глазах больше не было того застывшего ужаса, только глубокое любопытство.

— Ты молодец, — сказала я, и видела, как она вздрогнула от этого простого слова. — На сегодня всё. Завтра продолжим. Иди, умойся нормально и отдохни.

Когда женщины ушли в сени к рукомойнику, я осталась одна у сундука. В избе было тихо, только сверчок робко пробовал свой голос где-то под печью.

Я посмотрела на ледяной ящик. В сумерках он казался пульсирующим сердцем этого дома. И вдруг...

День.

Тонкий, мелодичный звук, похожий на звон хрустального колокольчика, донесся изнутри сундука. Крышка едва заметно дрогнула, и в щели между металлом и льдом вырвалась тонкая струйка пара.

Я принялась.

Сердце пропустило удар. Это не был запах хвои или мороза.

В высоближенной, чистой избе, посреди лютой русской зимы, вдруг отчетливо и ярко запахло летом. Нагретой на солнце землей, свежей зеленью и... клубникой. Сладкой, сочной, спелой садовой земляникой. Запах был настолько реальным, что у меня свело челюсти.

— Продукт... — прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Он передал мне образец.

Я осторожно прилегла на лавку рядом с сундуком, положив голову на скрещенные руки. Ледяная вибрация сундука убаюкивала, а аромат ягод обещал, что завтрашний день будет стоить всех сломанных топоров мира.

— Ну, Морозко... — сонно пробормотала я. — Маркетинговый ход засчитан. Посмотрим, какой у нас будет ROI.

Я заснула, и впервые за долгое время мне не снились отчеты и налоги. Мне снились бесконечные зеленые поля, усыпанные красными ягодами, и холодные, прозрачные глаза, которые смотрели на меня с нескрываемым интересом.

Сказка начинала приобретать вкус. И этот вкус мне определенно нравился.

Глава 5(Настенька)

(от лица Настеньки)

Тень сестры и свекольный демакияж

Я сидела за печкой, стараясь дышать через раз, чтобы не выдать своего присутствия даже шорохом подола. В горнице было непривычно. Обычно к этому часу изба пахла кислым тестом, застоявшимся дымом и сердитым сопением матушки, но нынешний вечер выдался... иным. В воздухе плавал едкий, щиплющий ноздри дух щелока, мокрой древесины и чего-то еще — тонкого, сладкого, пугающего, что исходило от ледяного сундука посреди комнаты.

Марфуша спала. Она лежала прямо на этом холодном страшилище, закинув руку за голову, и в отсветах затухающей лампы её лицо казалось чужим. С него исчезла привычная капризная гримаса, губы больше не кривились в готовности выплюнуть обидное слово. Она не храпела на весь дом, как бывало прежде, а дышала ровно и глубоко, словно сытая кошка.

«Подменили, — в сотый раз подумала я, прижимая ладони к груди. — В лесу Морозко её подменил. Настоящую Марфушу в ледяной столб превратил, а нам прислал лешачиху в её обличье. Иначе отчего она заставила меня столы песком драить?»

Я посмотрела на свои руки. Пальцы ныли, кожа на ладонях горела, содранная жесткой мочалкой. Матушка от одного вида чистого стола чуть в обморок не упала, всё причитала, что «грязь — она для тепла, а в чистоте только покойники лежат». Но стоило Марфуше просто поглядеть на неё — холодно так, сверху вниз, — и матушка притихла. Схватила тряпку и давай углы выметать, будто её домовый укусил.

Страшно мне было. Старая Марфуша — она понятная. За волосы оттаскает, валенком запустит, велит косу расчесывать, пока руки не отвалятся — это привычно. От этого убежать можно, спрятаться. А от этой — новой — куда денешься? Она не кричит. Она... приказывает.

Ночь прошла в тревоге. Мне всё чудилось, что сундук сейчас раскроется и оттуда полезут синие ледяные руки, чтобы утащить нас всех в лесную чащу. Но сундук лишь тихонько гудел, словно шмель в цветке, и пах земляникой. Посреди зимы! Это ли не колдовство?

Рассвет едва коснулся слюдяных окошек, когда Марфуша вдруг вскочила. Не потянулась сладко, не заныла, требуя горячего сбитня в постель, а вскочила на ноги разом, будто её пружиной подбросило.

Я замерла в своем углу, превратившись в тень.

Марфуша подошла к лохани с водой, которую я натаскала еще с вечера. Она зачерпнула ковш и... охнула.
— Ледяная. Прекрасно. Шоковая терапия для эпидермиса, — пробормотала она слова, от которых у меня мороз по коже пробежал. — Так, Мария, соберись. Лицо — это витрина бизнеса.

Она принялась умываться. Но как! Она не просто плеснула водой, она терла кожу ладонями так неистово, будто хотела её вовсе стереть. А потом началось самое страшное. Марфуша достала мешочек с мелкой золой и песком, зачерпнула горсть и принялась возить этим по своим щекам, на которых еще алели остатки вчерашней свеклы.

— Ой... — не выдержала я и пискнула, прикрыв рот рукой.

Она замерла. Обернулась. Щеки у неё были пунцовые — не от краски, а от того, что она их едва не до мяса растерла. Глаза блестели остро, как сосульки на солнце.
— Настенька? Ты чего там за печкой застряла? — голос её был бодрым, звенящим. — Выходи. Хватит в партизан играть.

Я вышла, пошатываясь от страха. Юбку теребила в пальцах, голову опустила.
— Прости, сестрица... я не хотела мешать...

Марфуша — нет, я не могла называть её так в мыслях, это была какая-то другая женщина в Марфушином тулупе — подошла ко мне. Я ждала удара. Инстинктивно плечи втянула, глаза зажмурила.

Но вместо удара почувствовала, как её теплая рука коснулась моего плеча. Не толкнула, а просто легла сверху. — Ты чего дрожишь, как осиновый лист? — спросила она. Голос у неё стал мягче, но в нем слышалась такая сила, что у меня коленки подогнулись. — Я тебя вчера обидела?

— Нет, сестрица... что ты... — Значит, слушай. У нас сегодня план — громадьё. Нужно инвентаризацию провести, понять, сколько у нас активов, а сколько пассивов. А для этого мне нужен помощник.

Я подняла глаза. Марфуша... она была чистой. Совсем. Свекла исчезла, оставив лишь здоровый румянец. Черные брови-гусеницы, которые она вчера так старательно вырисовывала сажей, смылись, и под ними оказались её собственные — светлые, аккуратные. Лицо её стало... обычным. Но глаза! В них больше не было ленивой мути. В них горел огонь, да такой холодный и расчетливый, что мне стало еще страшнее.

— Настенька, — повторила она, и моё имя в её устах прозвучало как заклинание. Раньше она звала меня «Эй, образина!» или «Поди сюда, дрянь!». А тут — Настенька. — Сядь.

Она указала на лавку, которую я вчера выскоблила до белизны. — Как... сестрица? — я икнула от неожиданности. — Садиться? Мне же... мне же печь топить, корову доить, снег грести...

— Печь подождет. Корова тоже не убежит. Сядь, говорю. У тебя вид такой, будто ты марафон по сугробам бежала. На износ работаешь, милая. А мне нужен эффективный сотрудник, а не заезженная лошадь.

Я присела на самый краешек лавки, готовая сорваться в любой миг. Сердце колотилось в горле. «Точно откармливает, — мелькнула шальная мысль. — Или проверяет, много ли во мне сил осталось, прежде чем в печь засунуть или в лесу бросить».

Марфуша тем временем подошла к зеркальцу, которое я еще не успела выкинуть по её вчерашнему приказу. Посмотрела в него, поморщилась. — М-да. Тургор, конечно, так себе, но исходный материал здоровый. Широкая кость, хороший метаболизм. Будем лепить из того, что есть.

Она обернулась ко мне и вдруг улыбнулась. От этой улыбки у меня мороз по коже пробежал — зубы белые, глаза острые. — Ты завтракала? — Я... я после вас, сестрица... остатки подберу... — Отставить остатки! — гаркнула она так, что я чуть с лавки не свалилась. — Мы теперь — одна команда. Один агрохолдинг, понимаешь? Раздельное питание отменим. Будем есть все вместе. Жиры, белки, углеводы — всё в дело.

В этот момент за занавеской послышался стон, перешедший в натужный кашель. Матушка проснулась. Она выплыла в горницу, почесывая бока и зевая во весь рот, но стоило ей увидеть Марфушу, как зевок застрял у неё в горле.

— Ой... — матушка попятилась, едва не запутавшись в собственных пятках. — Ой, батюшки... Доченька? Марфушенька? Это ты ли?

— Я, маманя, я. Кто же еще? — Марфуша деловито поправляла платок на голове. — А лицо-то... лицо-то где?! — взвыла матушка, подлетая к ней и ощупывая воздух перед Марфушиным носом. — Обобрали! Обокрали! Красоту-то лесной дед отобрал! Где румянец ядреный? Где бровки соболиные? Ой, страсть-то какая... бледная, как поганка! Кто ж тебя замуж-то возьмет теперь, облезлую такую?

Матушка замахнулась на меня, привычно ища виноватую: — Это ты, змея подко-
лодная, воду подменила! Сглазила сестру!

Я сжалась, ожидая привычного удара, но Марфуша... она просто выставила руку вперед. Спокойно так, но матушка замерла, будто на стену наткнулась.

— Маманя, — голос Марфуши был тихим, но в нем звенел металл. — Хватит кудахтать. Яйценоскость от ваших криков не повысится. Моя внешность теперь — это часть новой имиджевой политики. Натуральность. Естественность. Понятно?

Матушка моргнула один раз, другой. Лицо её вытянулось.
— Ими... чего? Доченька, ты чего говоришь-то? Точно леший язык подменил...

— Я говорю: свеклу оставить для борща. Нам нужно экономить ресурсы. Мы входим в режим жесткой экономии и оптимизации. А теперь — накрывайте на стол. Настенька, доставай творог. Маманя, режьте сало. Будем проводить планерку за завтраком.

Я смотрела, как матушка — великая и ужасная матушка! — послушно побрела к кадушке с салом, что-то бормоча под нос. Она боялась. Она боялась собственного ребенка так же, как я.

Марфуша подошла к окну, протерла чистое стекло пальцем и посмотрела вдаль, на заснеженные поля. В её профиле было что-то такое... властное. Словно она уже видела на этих пустых белых просторах что-то свое, невидимое нам.

«Лучше бы она валенком кидалась, — подумала я, доставая плюшки. — С валенком-то понятно: увернулась — и живи дальше. А с этой новой Марфушей... с ней же придется по совести жить. По правилам каким-то».

Я ставила на стол миски, а руки все равно дрожали. Марфуша обернулась, поймала мой взгляд и подмигнула.
— Не бойся, Настя. Мы из этого болота сделаем образцово-показательное хозяйство. Главное — дисциплина и правильный севооборот.

Я не знала, что такое «севооборот», но почему-то поверила: если она скажет снегу зацвести — он зацветет. Просто побоится ослушаться. И я теперь знала точно: старая Марфуша была просто злой девчонкой. А эта... эта — настоящая Хозяйка. И неизвестно еще, что для нас страшнее.

— Кушать подано, сестрица, — прошептала я, склоняя голову.

Она кивнула, уселась во главе стола и первым делом пододвинула миску с творогом мне.
— Ешь. Кальций — это фундамент скелета. Нам еще забор чинить.

Матушка только икнула и молча вгрызлась в кусок хлеба. В избе воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом снега за окном и странным, довольным гудением сундука в углу. Сказка стала превращаться в деловой отчет, и я чувствовала: это только начало.

Глава 6

Кадры решают всё, или эффективный менеджмент в условиях крепостного права

Ложка замерла в сантиметре от моего рта. Я подозрительно прищурилась, изучая содержимое глубокой деревянной миски. В мутном бульоне, щедро сдобренном плавающими кружочками жира, сиротливо дрейфовал кусок разваренной репы и нечто, отдаленно напоминающее волокнистое мясо. Запах... ну, скажем так, в моем прошлом мире за такой «аромат» ресторан бы закрыли ещё до того, как повар успел бы сказать «комплимент от шефа».

— Марфушенька, деточка, чего не ешь? — Маманя нависла надо мной, преданно заглядывая в глаза. Её руки, пахнувшие кислым тестом и хозяйственным мылом, нервно теребили край засаленного фартука. — Сальца-то, сальца возьми! Сама солила, в погребе выдерживала, как ты любишь — шкурка мягкая, как пух лебяжий!

Я перевела взгляд на шмат сала, лежащий на доске. Оно было таким толстым, что, казалось, само могло бы выиграть чемпионат по бодибилдингу в тяжелом весе.

— Маманя, — я аккуратно положила ложку на стол. Звук получился весомым. — Мы вступаем в новую эру. Эру оптимизации ресурсов. Это варево — не еда, это холестериновая бомба замедленного действия. С таким топливом наш «двигатель» заглохнет через пару лет от закупорки сосудов.

Маманя моргнула. Настенька, сидевшая на краю лавки и скромно жевавшая корочку хлеба (кальций в виде творога она уже усвоила под моим жестким контролем), замерла, боясь даже крошкой хрустнуть.

— Чего заглохнет, ягодка? — пролепетала мать.

— Организм, маманя. Нам нужны белки, сложные углеводы и клетчатка. А не вот этот бульонный набор для вызова изжоги. — Я отодвинула миску. — Завтрак окончен. Переходим к производственному совещанию. Настя, запиши... а, черт, писать-то тут только углём на заборе можно. Просто запоминай. С этого дня мы — агрохолдинг «Снежная Клубника». Я — генеральный директор. Вы — мой производственный департамент.

Я встала, чувствуя, как тяжелые юбки Марфушиного тела пытаются утянуть меня обратно в лень и созерцание потолка. Но дух Марии Викторовны, пережившей три налоговых проверки и один рейдерский захват, был непоколебим.

Первым делом я отправилась на «обход объекта». Горница, которую мы вчера так героически драили, теперь выглядела прилично, но дьявол крылся в деталях. Я подошла к печи и приложила ладонь к боковой кладке.

— Так, — я нахмурилась. — Теплопотери критические. Маманя, почему у нас печь греет не дом, а мировое пространство? Я чувствую, как наши дрова, в которые вложен человеческий ресурс, вылетают в трубу в буквальном смысле.

— Так... зима же, Марфушенька, — растерянно отозвалась мать, семена за мной. — Испокон веков так... Подтапливаем помаленьку.

— «Испокон веков» — это не аргумент для бизнеса, это оправдание лени. Нам нужна перекладка свода и нормальная заслонка. Мы отапливаем стратосферу за свой счет, а это нецелевое использование бюджета. Настя, пометь себе: найти толкового печника. Желательно непьющего, хотя я понимаю, что в этой сказке это звучит как запрос на единорога.

Я двинулась дальше. В углу, за занавеской, обнаружился «склад индивидуального пользования» моей предшественницы. Я откинула полог и узрела залежи: сушеные пряники, калачи, пучки разноцветных лент и какие-то бусы из крашеного стекла.

— Экспроприация, — коротко бросила я, сгребая ленты в охапку.

— Ой! — пискнула Маманя. — Доченька, так это ж твоё любимое! Сама же у батюшки выпросила на ярмарке!

— Это избыточные активы, — отрезала я. — В условиях дефицита ликвидности мы не можем позволить себе хранить мертвый капитал. Ленты пойдут на маркировку... ну, скажем, садового инвентаря. Или как премиальный фонд для отличившихся сотрудников.

Я вышла в сени. Морозный воздух немедленно куснул за нос, напоминая, что климат здесь — суровый инвестор, не прощающий ошибок. Я распахнула тяжелую дубовую дверь и вышла на крыльцо.

Первое, что бросилось в глаза — это отсутствие калитки. То есть абсолютно. Там, где вчера ещё были ворота, теперь сиял девственно чистый проем, обрамленный щепками. Турбина, моя «волшебная» свинья, поработала на совесть. Она не просто съела калитку, она демонтировала её до основания.

— Прекрасно, — я оценила масштаб разрушений. — Концепция «open space» в действии. Заходи кто хочешь, бери что видишь. Безопасность периметра — нулевая.

Деревня просыпалась. Воздух был густым от дыма из печных труб, пахло березовыми дровами и замерзшей хвоей. Снег под ногами не просто скрипел — он визжал, как недовольный аудитор. Где-то вдалеке прокричал петух, но сделал это как-то неуверенно, словно сам сомневался, стоит ли будить этот мир.

— Настя, за мной! — скомандовала я. — Идем инспектировать основные фонды.

Мы направились к сараю. По пути я отмечала: забор завалился набок под углом в сорок пять градусов, колодец обледенел так, что превратился в ледяную скульптуру «Скорбь ведра», а куры в загончике выглядели так, будто собираются подать коллективную жалобу в международный суд по правам птиц.

В сарае было темно и пахло... скажем так, естественной средой обитания.

— Знакомься, сестрица, — прошептала Настя, пропуская меня вперед. — Зорька наша.

В углу, на подстилке из сомнительной чистоты соломы, стояла корова. Если бы я увидела такое животное на своей ферме, я бы немедленно вызвала ветеринара, священника и налоговую полицию, чтобы зафиксировать убытки.

— Боже мой, — я подошла ближе. Зорька повернула ко мне голову. В её глазах отражалась вся скорбь мира и легкое недоумение по поводу моего отсутствия свеклы на щеках. — Это не корова. Это дебиторская задолженность на четырех ножках.

Я провела рукой по её боку. Ребра можно было пересчитать, даже не прикасаясь к шкуре. Вымя выглядело так, будто из него пытались добыть нефть, а не молоко.

— Экстерьер — неудовлетворительный. Индекс упитанности — ниже плинтуса. Настя, сколько она дает молока?

— Так... полкрынки утром, полкрынки вечером, — Настя виновато опустила голову. — Матушка говорит — сглазили её.

— Не сглазили, а недокормили, — я вздохнула. — Нарушение рациона и условий содержания. Корова — это наш основной оборотный актив, а она у нас на грани банкротства. Значит так: увеличить норму сена, добавить теплой воды и... есть у нас тут какой-нибудь овес? Или хоть отруби?

— Овес-то есть... — Настя замялась. — Да матушка бережет его. Сказала — продадим весной, тебе на новый сарафан.

— Сарафаны отменяются. Самый лучший сарафан — это полные бидоны молока. Овес — Зорьке. Нам нужно повышать капитализацию активов, а не тряпки копить.

Я вышла из сарая, чувствуя, как внутри закипает энергия. Работы было непочатый край, но структура уже начала прорисовываться в голове. Нужно было только найти... исполнителей.

И «исполнитель» не заставил себя ждать.

У дыры в заборе, там, где раньше была калитка, стоял молодой парень. На вид лет двадцать, шапка набекрень, тулуп распахнут, демонстрируя молодецкую удаль и полное отсутствие инстинкта самосохранения в тридцатиградусный мороз. Глаза синие, наглые, а на лице — такая ухмылка, что мне сразу захотелось выдать ему выговор с занесением в личное дело.

Это был Иван. Местная звезда, Альфа-самец вся деревни и, по совместительству, объект томных вздохов прежней Марфуши.

— Опача! — выдал он, оглядывая меня с ног до головы. — Марфутка! Ты ли это? А где ж красота-то твоя делась? Неужто в лесу растеряла? Рожа-то чистая, как у Настьки, прямо смотреть непривычно. Болешь, что ль?

Я медленно подошла к нему, сложив руки на груди. Настенька за моей спиной немедленно превратилась в прозрачную вуаль.

— Иван, — я посмотрела на него так, как обычно смотрела на подрядчиков, сорвавших сроки поставки труб. — Я вижу, у тебя много свободного времени. Избыток нерастраченной энергии налицо. Это плохо. Неиспользуемый ресурс деградирует.

Иван моргнул. Ухмылка чуть сползла, но он попытался удержать марку.

— Чего? Какой сурс? Ты чего несешь-то, Марфуш? Ты это... свеклы поешь, а то бледная какая-то. И свиной своих покажи! Вся деревня гудит — приехала на хрюшках, сундук ледяной притащила. Где золото-то?

— Свины прошли процедуру дематериализации в связи с окончанием срока аренды, — сухо ответила я. — А золото... золото любит тишину и эффективное управление. Кстати, о ресурсах. — Я указала пальцем на проем в заборе. — Видишь?

— Дыру? — Иван хохотнул. — Вижу. Сильно твои хрюшки забор-то подрихтовали.

— Это не дыра. Это твоё сегодняшнее рабочее место. У тебя в руках топор, я вижу. Значит, квалификация минимальная имеется. У нас в хозяйстве острая нехватка мужской тягловой силы. Забор завалился, калитка отсутствует. — Я подошла к нему вплотную. — Если за три часа здесь не будет стоять новая калитка, я сочту твой потенциал нулевым и внесу в черный список нашего холдинга.

Иван опешил. Он привык, что Марфуша либо вешается ему на шею, размазывая свеклу по его тулупу, либо визжит, требуя внимания. А тут... холодный, деловой тон и постановка задачи.

— Ты чего... — он попятился. — Командовать вздумала? Да я первый парень! Я девкам на гулянках на гармошке играю!

— Гармошка — это развлекательный сектор — отрезала я. — Нам нужен строительный департамент. Значит так, Иван. Вариант первый: ты чинишь калитку, и я, так и быть, выделю тебе из премиального фонда... — Я вспомнила про «экспроприированные» ленты. — ...набор аксессуаров для твоей гармошки. Вариант второй: я объявляю тебя профнепригодным, и больше ты в наш двор даже за водой не зайдешь. Выбирай. Время пошло.

Я развернулась и пошла к дому, не оборачиваясь.

— Настя! — бросила я через плечо. — Проследи за подрядчиком. Если будет халтурить — доложишь.

— Марфушенька... — прошептала Настя, семена следом. — Он же... он же Ваня. Он никогда не работал. Он только... красуется.

— Красуется он в инстаграме... которого тут нет, — буркнула я. — А здесь он будет работать. Либо он встроится в систему, либо система его пережует.

Я поднялась на крыльцо и на секунду замерла, взглянув в окно горницы. Там, в полумраке, стоял сундук Морозко.

И вдруг мне показалось, что он дрогнул. Легкая, едва заметная вибрация прошла по стеклу. Как будто сундук... смеялся. Или аплодировал моему первому управленческому решению.

— Ну что, Морозко, — прошептала я, чувствуя, как мороз крепчает, — смотри. Мы только начали. Через месяц у меня тут будет образцовое хозяйство, а ты... ты еще сам придешь ко мне за консультацией по повышению урожайности снежинок.

Я зашла в дом, хлопнув дверью. Впереди была инвентаризация погреба, и я чувствовала: там меня ждет еще больше сюрпризов, чем в Зорькиных глазах. Но азарт уже кипел в жилах. Сказка сказкой, а дебет с кредитом должны сойтись.

Глава 7

Вечерний совет и планы на экспансию

Я вышла на крыльцо, когда небо над деревней уже затянуло густыми чернилами с фиолетовым отливом. Мороз крепчал, превращая выдох в плотные облака пара, которые мгновенно кристаллизовались и оседали на воротнике колючей инеистой пылью. Снег под валенками не просто хрустел — он издавал звук, похожий на вопль возмущенного бухгалтера, которому принесли отчетность на салфетке.

У пролома в заборе, там, где раньше красовалась съеденная Турбиной калитка, копошилась темная фигура. Слышались глухие удары молотка и сопение, полное праведного негодования.

— Ну, как продвигается внедрение систем контроля доступа? — бодро поинтересовалась я, спускаясь со ступенек.

Иван вздрогнул, едва не прищемив палец новой доской. Он обернулся, и в свете вынесенного мною фонаря его лицо выглядело так, будто его только что заставили читать годовой отчет агрохолдинга на старославянском. Шапка сбилась на затылок, лоб блестел от пота, несмотря на минус двадцать пять.

— Сделал я, — буркнул он, отступая на шаг и демонстрируя плод своих трудов. — Вишь, стоит. Даже не скрипит почти.

Я подошла ближе, деловито подергала калитку. Петли были старые, явно снятые с какого-то сарая, но сидели крепко. Доски подогнаны не идеально, но для первого раза пойдет.

— Эстетика, конечно, уровня «поздний палеолит», — вынесла я вердикт, покачав калитку. — Ни доводчика, ни магнитного замка, ни системы распознавания лиц. Про безопасность периметра я вообще молчу. Любой бродячий кот может провести несанкционированное вторжение, просто просунув лапу в щель.

— Чего? — Иван вытаращился на меня. — Марфуша, ты опять за своё? Какая музыка... магнитная? Какие лица? Закрывается же!

— Закрывается — это минимальное техническое требование, Иван. Но за скорость и отсутствие саботажа — хвалю. — Я полезла в карман и торжественно извлекла ярко-красную атласную ленту, вчера изъятую из закровов прежней Марфуши. — Держи гонорар. Премияльный фонд в действии.

Иван осторожно взял ленту двумя пальцами, словно это была ядовитая змея.

— Ленточка? — в его голосе прозвучало разочарование, смешанное с подозрением. — На кой она мне? Я что, девка, в косу вплетать?

— Это не просто ленточка, это символ твоей первой трудовой победы и пропуск в высшую лигу нашего кооператива, — отрезала я. — Повяжи на гармошку. Пусть все видят, что ты — ценный ресурс, а не просто украшение забора. Завтра в девять ноль-ноль жду на планерку. Будем проводить клининговые работы по расчистке прилегающей территории. Снега навалило столько, что логистика парализована.

— В девять? — Иван поперхнулся воздухом. — Так петухи только проснутся!

— Вот и ты вместе с ними. Петухи кстати в 5 утра просыпаются. Жду завтра в 9. Опоздание — штраф. А теперь — свободен. У нас начинается этап стратегического планирования.

Иван ушел в темноту, поминутно оборачиваясь и разглядывая ленту в свете луны. Кажется, его самооценка только что столкнулась с суровой реальностью рынка труда, и результат ему не очень понравился.

Я зашла в избу. В горнице пахло чистотой, мокрым деревом и легким, едва уловимым ароматом земляники, который исходил от сундука. Маманя и Настя сидели у печи. Настя што-

пала какой-то лоскут, а Маманя задумчиво жевала сушку, глядя на подарок Морозко с выражением лица человека, который видит перед собой закрытый сейф с миллионом долларов.

— Хватит созерцать, — скомандовала я, беря со стола свечу в тяжелом медном подсвечнике. — Время большого аудита. Нам нужно спуститься в адскую бездну.

— Куда?! — охнула Маманя, едва не подавившись сушкой.

— В погреб, маманя. В святая святых наших складских помещений. Нам нужно понять, сколько у нас осталось оборотных средств, а сколько — безнадежных долгов перед желудком.

Спуск в погреб напоминал экспедицию в заброшенную шахту. Настя открыла тяжелый люк в полу, и оттуда пахло сыростью, прелой землей и тем особым ароматом «старой деревни», в котором смешались нотки кислой капусты, гнилого лука и безысходности.

— Фонари на полную, — буркнула я, осторожно нащупывая валенком скользкую ступеньку лестницы. — Соблюдаем дистанцию. Настя, фиксируй остатки в уме. Маманя, не мешай проходу.

Когда мы оказались внизу, я подняла свечу повыше. Свет выхватил из темноты ряды бочек, кучи овощей прямо на земляном полу и свисающие с потолка ключья плесени, похожие на бороды очень грустных леших.

— Так, — я обвела взглядом это «складское помещение категории D». — Логистика в зачаточном состоянии. Товарное соседство нарушено до неприличия. Почему свекла обнимается с картошкой? Они что, планируют совместный стартап? Овощи должны храниться раздельно, в проветриваемой таре, а не кучей «мала», где один гнилой элемент заражает весь коллектив.

Я подошла к горе картофеля. Нагнулась, ткнула пальцем в клубень. Тот поддался, превращаясь в склизкое пюре.

— Катастрофа, — констатировала я. — Процент брака превышает все допустимые нормы. Мусор, а не картофель. Настя, считай нормальные мешки.

Настя принялась деловито пересчитывать, а я двинулась дальше.

— Так, морковь... — Я вытянула из песка вялый, сморщенный корнеплод. — Выглядит как мотивация Ивана в понедельник утром. Никакого тургора. Содержание витаминов стремится к нулю. Это не еда, это гербарий.

— Да чего ты, Марфушенька? — Маманя подала голос из угла, где она пыталась спрятать какую-то корзину. — Хорошая ж морковь! В суп пойдет, зажарится — и не видать.

— В бизнесе «не видать» не работает, маманя. В бизнесе работает качество. — Я подошла к бочке, от которой исходил запах, способный сбить с ног летящего воробья. — А это что за химическое оружие?

Я заглянула внутрь. Там, в мутном рассоле, плавали неопознанные объекты сероватого цвета.

— Огурчики... — пискнула Маманя. — С того года еще... Подзакисли малёк, но если с лучком да с маслицем...

— Это не огурчики. Это биологическая угроза, — я решительно накрыла бочку крышкой. — Вскрывать только в костюме химзащиты. На утилизацию.

Чем дальше мы продвигались по погребу, тем мрачнее становилось моё настроение. Моя внутренняя Мария Викторовна уже рисовала график падения прибыли, и кривая уходила куда-то в центр Земли. Муки — два мешка, и те с жучками. Крупы — на доньшке. Масла — один горшок.

— Итого, — я выпрямилась, отряхивая руки от пыли. — Входящие остатки на зимний период: критический дефицит базовых продуктов. Срок до кассового разрыва — то есть до того момента, когда нам придется грызть ножки стола — примерно три недели, если растягивать.

Маманя зашмыгала носом. Настя смотрела на меня с тихим ужасом.

— А теперь, — я прищурилась, глядя в самый темный угол, заваленный старыми рогожами. — Что там скрыто за этой декоративной инсталляцией? Маманя, отойдите.

— Ой, да там хлам один! — Маманя попыталась перегородить мне дорогу своими необъятными габаритами. — Железки старые, тряпье... Не ходи туда, доченька, там крысы злые!

— С крысами я договарюсь, я в прошлом мире с аудиторами работала, — я решительно отодвинула мать и сорвала рогожу.

Там стояли три крепких сундука, обитых железом. Но в отличие от подарка Морозко, эти были земными, дубовыми. Я дернула крышку одного из них.

Внутри, переложённые сухой лавандой, лежали горы ткани. Я выхватила первый попавшийся предмет. Это был кокошник, усыпанный фальшивым жемчугом размером с голубиное яйцо, и парчовый сарафан такого ярко-розового цвета, что у меня на секунду заболели глаза.

— Это что? — спросила я ледяным тоном.

— Красота... — выдохнула Маманя, и её глаза заблестели. — Для тебя же, ягодка! На лето припасла, чтоб бояре, как увидят тебя на гулянье, так и падали штабелями! Шелка индейские, жемчуга заморские! Всю выручку за прошлый год на них спустила!

Я медленно опустила сарафан обратно. В голове щелкнул калькулятор.

— Всю выручку? — переспросила я шепотом. — Вы потратили оборотные средства на наряды? Маманя, на эти деньги можно было купить две коровы! Или три тонны отборного сена! Или нанять бригаду для ремонта крыши! А вы купили... гламур?

— Так ведь девице без красоты нельзя! — Маманя ударилась в слезы. — Настеньке-то обноски, а тебе — всё самое лучшее! Чтоб принцессой была!

— Принцесса — это социальный статус, а не количество бисера на голове! — я захлопнула сундук с таким грохотом, что сверху посыпалась земля. — Объявляю банкротство гламура. Эти сундуки — наш резервный фонд. Если прижмет, будем менять жемчуг на муку. А пока...

Я повернулась к Насте. Та стояла, прижав руки к груди.

— Настя, у нас есть план «Зорька один-ноль». Помнишь, я говорила про теплопотери в сарае?

— П-помню, сестрица.

— Завтра достаём старые, самые дырявые сарафаны из этих сундуков. Те, что не жалко. Будем перешивать их в попоны для коровы. Зорька теперь будет самой модной невестой в стаде, зато не замерзнет. Утепляем стойло парчой, если на мох денег нет. Тепло для коровы — это инвестиция в ликвидное молоко. Это понятно?

— Понятно, — прошептала Настя, и в её глазах мелькнула искорка смеха. — Зорька в жемчугах... Ох и смеху-то будет в деревне.

— Пусть смеются, — отрезала я, поднимаясь по лестнице обратно в тепло избы. — Сметется тот, у кого в марте будет сметана, а не пустые щи.

Поздно ночью, когда изба наполнилась мерным храпом Мамани и тихим дыханием Насти, я не могла заснуть. Тело ныло от непривычной нагрузки, а мысли роились, как пчелы в разорённом улье. Я сидела на лавке у окна, глядя на сундук Морозко.

В темноте он больше не казался просто куском кованого железа. От него исходило мягкое, пульсирующее голубое свечение. Оно не было холодным — скорее, загадочным.

Я подошла ближе. Сундук не гудел, как днем. Он... дышал. Мягко, ритмично.

Я осторожно положила ладонь на ледяную крышку. И замерла. Лед под моей рукой не обжигал холодом. Он был теплым. Живым. Словно под слоем вечной мерзлоты билось горячее сердце.

Вдруг из глубины сундука донесся звук. Тонкий, едва слышный треск. Так трескается лед на реке весной, или... так проклевывается семечко, разрывая плотную оболочку.

Я прижалась ухом к металлу.

Внутри сундука отчетливо слышался шорох растущей зелени. А потом... тонкий, нежный запах земляники снова заполнил горницу, вытесняя запах дыма и старой пыли.

Сундук мерцал в такт моему сердцу.

— Ты не просто холодильник, — прошептала я, чувствуя, как по коже бегут мурашки. — Ты — магический вегетарий. Ты — мой главный производственный цех.

Я посмотрела на свои руки в лунном свете. В этом мире не было электричества, не было интернета, не было удобрений «Агрикола». Но здесь была магия, которая откликалась на моё прикосновение. И здесь была я — женщина, которая знала, как заставить землю плодоносить.

— Ну, Морозко... — улыбнулась я, глядя на заиндевшее окно. — Посмотрим, кто из нас лучший агроном.

В углу сундук выдал короткий, довольный вспых голубого света и затих. Но я уже знала: завтра утром всё изменится. Режим адаптации закончен. Начинается фаза активного роста.

Я легла на лавку, и впервые за долгое время мне было по-настоящему тепло. Сказка перестала быть враждебной средой. Она начала превращаться в мой личный бизнес-проект. И я была намерена сделать его прибыльным.

Глава 8

Секрет «ледяного ящика» и разочарование Мамани

Проснулась я не от звонка будильника и не от нежных солнечных лучей, а от того, что чье-то тяжелое, прерывистое дыхание обдавало мне макушку запахом вчерашнего лука и неистового ожидания. Стоило мне разлепить веки, как я уткнулась взглядом в монументальную фигуру Мамани. Она нависала над лавкой, сжимая в одной руке засаленный молитвенник, а в другой — тяжелый кухонный нож, которым обычно пластала свинину. Глаза её горели лихорадочным блеском мелкого инвестора, который только что заложил квартиру в надежде на «крипту».

— Проснулась, ягодка! Проснулась, принцесса моя! — прошептала она так громко, что с потолка посыпалась труха. — Пора, Марфушенька! Душа уже не на месте, всю ночь под ребрами кололо. Слышь, как гудит? Прямо зовет!

Я приподнялась на локте, чувствуя, как затекшие мышцы Марфушиного тела отзываются недовольным скрипом. В избе было непривычно чисто (вчерашний «клининг» не прошел даром), но всё равно зябко. Однако от сундука в углу исходило не просто холодное веяние, а отчетливая, мощная вибрация. Он пульсировал мягким голубоватым светом, и — клянусь своими несостоявшимися патентами на клубнику — аромат садовой земляники в горнице стоял такой, будто здесь только что открыли филиал джемового завода.

Настенька сидела у печки, сжавшись в комок. В её взгляде читался священный ужас. Для неё этот сундук был порталом в преисподнюю, не меньше.

— Маманя, уберите холодное оружие, — я зевнула, потягиваясь. — Вскрытие будем проводить цивилизованно. Настя, воды подай. Умыться надо.

— Какое умыться, доченька?! — взвыла Маманя, приплясывая у сундука. — Там же богатство! Там же жемчуга! Я уже и мешки припасла, и подпол проверила! Давай, клади руку! Ты ж у нас авторизованная... тьфу ты, допущенная!

Я неспешно поднялась. В моей голове уже крутился калькулятор. Если там золото — это хорошо, это оборотные средства. Но аромат ягод из ледяного ящика намекал на нечто куда более интересное с точки зрения агрономии.

Я подошла к сундуку. Сияние усилилось, став почти ослепительным. Морозные узоры на кованых боках начали медленно приходить в движение, складываясь в причудливые картины зимнего леса. Я ощутила странное волнение — такое бывает, когда открываешь конверт с результатами тендера, в который вложил последние деньги.

— Ну, Морозко — прошептала я. — Посмотрим, насколько ты щедрый поставщик.

Я положила ладонь на массивную крышку. Лед под пальцами мгновенно стал податливым, мягким, словно тающий воск, но не обжег, а приятно охладил кожу. Раздался мелодичный, хрустальный «дзынь», как будто в огромной люстре столкнулись тысячи подвесок. Замки щелкнули сами собой.

Крышка медленно, с достоинством откинулась назад.

Из недр сундука вырвалось плотное облако морозного пара. Оно закружилось по комнате, окутывая нас запахом июля, нагретой солнцем травы и спелых ягод. Маманя зажмурилась, вытянув руки вперед, готовая ловить посыпавшиеся бриллианты. Настя прикрыла лицо краем платка.

Когда пар рассеялся, в избе воцарилась тишина. Такая густая, что слышно было, как на печке чешется сверчок.

— Это что же... — Маманя первая открыла глаза. Её голос дрогнул и сорвался на высокий ультразвук. — Это как же это?!

Я заглянула внутрь.

В сундуке, аккуратно уложенные рядами, лежали большие, идеально ровные глыбы льда. Они не были прозрачными — они светились изнутри нежным лазурным светом. И всё. Никаких золотых монет. Никаких жемчужных ожерелий. Никаких парчовых отрезов. Только лед, пахнувший земляникой.

Маманя запустила руку внутрь, лихорадочно разбрасывая верхние глыбы. Она рылась в сундуке, как одержимая, пытаясь нащупать двойное дно.

— Обманул! — взвыла она так, что за окном с крыши съехал пласт снега. — Старый дед! Мошенник лесной! Заморозил надежды наши! На кой нам лед зимой?! У нас его за забором — завались! Морозь не хочу! Ой, погубил сиротинушек! Марфушенька, доченька, да как же это? Ты ж там приседала, ты ж там орехи грызла, а он тебе... ледышки подсунул?!

Она рухнула на лавку, закрыв лицо руками, и завывала в голос. Настенька испуганно подошла ближе, тоже заглядывая в сундук.

— Сестрица... неужто правда просто лед? — прошептала она.

А я... я стояла и улыбалась. Мой внутренний агро-директор в этот момент танцевал победную джигу. Я протянула руку и коснулась одной из глыб. Она была невероятно плотной, тяжелой и... она не таяла. Совсем. От тепла моих пальцев на поверхности не появилось ни капли воды.

— Маманя, — сказала я громко и четко. — Прекратите истерику. Вы ведете себя как некомпетентный инвестор.

— Какой инвестор?! — прорыдала мать. — Сало съели, свиней бесы забрали, а в сундуке — вода замерзшая! Мы ж теперь по миру пойдем! В кокошниках старых, да с пустым пузом!

— Это не вода, маманя. Это «Вечный лед». Магический хладагент высшей категории, — я подняла одну глыбу. Она весила килограммов пять, но в моих руках казалась почти невесомой. — Вы понимаете, что это такое? Золото мы бы проели за месяц. Наряды ваши моль бы побила. А это... это средства производства! У нас теперь есть промышленный холодильник класса А-плюс, работающий без счетов за электроэнергию!

Маманя перестала выть и подозрительно уставилась на меня.

— Чего у нас есть? Холодиль-чего?

— Камера хранения, маманя! — я почти смеялась. — Мы теперь можем хранить продукты свежими круглый год. Мы можем возить ягоды на ярмарку в марте, когда у всех остальных будет только сушеная репа! Мы можем делать ледяные десерты! Морозко не просто одарил нас — он выдал нам технологическое преимущество перед всеми конкурентами в этом царстве!

Я посмотрела на Настю. Та, кажется, начала что-то понимать.

— Так они... не растают?

— Никогда. Пока мы сами не захотим. Это магический холод. И, судя по запаху, он еще и работает как консервант.

В этот момент за окном раздался знакомый скрип снега. Я выглянула в чистое (теперь уже) стекло. По двору, насвистывая какой-то разухабистый мотивчик, шел Иван. На его шапке гордо красовалась моя красная ленточка, а в руках он держал топор, помахивая им, как игрушечным. Вид у него был такой, будто он лично спас деревню от стаи драконов, хотя всего-то и сделал, что прибил три доски к калитке.

— Подрядчик на объекте, — констатировала я. — Вовремя. У нас как раз возникла потребность в тяжелом ручном труде.

Я вылетела на крыльцо, не накидывая тулупа — азарт грел лучше всякого меха.

— Иван! — гаркнула я. — Бодрость духа — это хорошо. Но дисциплина — лучше. Ты почему на три минуты позже графика?

Парень поперхнулся свистом и замер, оглядывая меня. Видимо, чистая Марфуша без свекольных щек всё еще вызывала у него когнитивный диссонанс.

— Так... это... Марфут, я ж калитку вчера... — он неуверенно поправил шапку. — Пришел вот, думаю, может, дров наколоть? Или еще чего... Ты чего такая веселая? Неужто в сундуке и правда золото?

— Там нечто поважнее, Иван. Там будущее нашего агрохолдинга. И для этого будущего мне нужны твои бицепсы. Заходи в дом. У нас погрузочно-разгрузочные работы на нижнем уровне.

— В дом? — Иван расплылся в довольной ухмылке, явно истолковав приглашение по-своему. — Ну, это мы всегда пожалуйста. Настенька-то дома?

— Настенька делом занята. И ты сейчас займешься.

В избе Иван первым делом устался на открытый сундук. Сияние льда отразилось в его опарашенных глазах.

— Это чего... лед? — он почесал затылок. — И ради этого я вчера по морозу корячился? Марфуш, ты прости, конечно, но ты точно... того. Мамка твоя вон, гляди, вся в слезах сидит.

— Мамка в состоянии эмоционального отката, это пройдет, — я бесцеремонно всучила Ивану в руки самую большую глыбу. — На, держи. Чувствуешь?

Иван крикнул от неожиданности. Лед в его руках загудел, испуская легкие искорки.

— Холодный... — пробормотал он. — И не тает. И пахнет... вареньем?

— Именно. Это стратегический запас холода. Значит так, план работ: мы переносим всё содержимое сундука в погреб. Настенька, ты указываешь Ивану места размещения согласно схеме «товарного соседства». Я буду руководить процессом сверху. Иван, за каждый рейс до погреба и обратно — один сухарь с медом. За скорость и отсутствие сколов на глыбах — дополнительный бонус в виде улыбки Настеньки.

— Чего?! — Иван покраснел до корней волос, покосившись на Настю. Та густо покраснела в ответ и спряталась за печную трубу. — Да я... да я эти ледышки за пять минут перетаскаю! Гляди!

Он схватил вторую глыбу под мышку и резво рванул к люку погреба. Я только усмехнулась. Метод «морковки и палки» в условиях патриархального фэнтези работал безотказно.

Спуск в погреб превратился в масштабную реновацию. Я спустилась вниз вслед за Иваном, держа свечу.

— Сюда клади, в угол, — командовала я, указывая на место, где раньше гнила картошка. — И сюда. Нам нужно создать контур охлаждения.

Стоило Ивану расставить первые четыре глыбы по периметру, как атмосфера в погребе изменилась. Тяжелый, затхлый запах сырости и плесени мгновенно исчез. Его вытеснил чистый, бодрящий морозный дух. Стены погреба покрылись тонким, красивым инеем, который в свете свечи заискрился, как россыпь мелких алмазов. Температура упала до идеальных стабильных значений.

— Невероятно... — прошептала Настя, спускаясь следом. Она коснулась стены. — Сестрица, гляди! Плесень-то... она словно уснула. И дышать стало легко.

— Это и есть магия эффективного хранения, — я с удовлетворением оглядела «помещение». — Теперь мы переберем все овощи. То, что еще можно спасти — разложим на полках рядом со льдом. То, что нет — на выброс. Иван! Не стой как вкопанный, тащи следующую партию! У нас еще семь глыб в сундуке томятся.

Иван бегал вверх-вниз с энтузиазмом молодого стартапера, получившего первый раунд инвестиций. Он явно хотел впечатлить Настю, а Настя, видя такую прыть, всё чаще выглядела из-за полок и даже разок подала ему ковш воды, когда он запарился.

Маманя сидела наверху и продолжала причитать, но уже как-то по инерции.

— Погреб морозят... Совсем девки с ума спрыгнули... Лед в землю закапывают... Ой, горе мне, горе...

Когда последняя глыба заняла своё место, я провела финальный аудит. Погреб превратился в элитное складское помещение. Даже морковь, казавшаяся безнадежно вялой, в этом магическом холоде словно подтянулась и приобрела более бодрый вид.

— Работа завершена, — я поднялась наверх, отряхивая руки. — Иван, ты сегодня показал КРІ выше ожидаемого. Молодец.

— Чего я показал? — Иван вытер пот со лба, сияя, как начищенный таз.

— Хорошо поработал, говорю. Иди на кухню, Настя тебя накормит.

Когда Настя и Иван ушли в сени (я слышала там их робкий смех и звон плошек), а Маманя уснула в кресле-качалке, утомившись от собственного горя, я осталась в горнице одна.

Сундук Морозко стоял пустым. Но на самом дне, в самом дальнем углу, что-то осталось. Что-то маленькое, незамеченное в суете и паре.

Я подошла и заглянула внутрь. Там лежала коробочка, обтянутая кожей белого волка, перевязанная ледяной нитью. Я осторожно взяла её. Она была удивительно теплой — единственный теплый предмет из всего набора.

Стоило мне развязать нить, как аромат земляники стал настолько мощным, что у меня на секунду закружилась голова. Я открыла крышку.

Внутри, на подушке из живого, зеленого лесного мха, лежали тринадцать зерен. Они не были похожи на семена клубники из моего мира. Каждое размером с крупную горошину, граненное, как изумруд, и светящееся изнутри внутренним огнем.

И тут в моей голове раздался голос. Глубокий, рокочущий, с отчетливыми нотками иронии — тот самый голос Деда из леса.

«Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Лед я тебе дал, чтобы сохранить то, что имеешь. А эти зерна — чтобы получить то, о чем мечтаешь. Вырастишь их среди зимы — будешь хозяйкой этого леса. Погубишь — замерзнешь вместе с ними. Время пошло, Мария Викторовна».

Голос стих, оставив после себя лишь легкий звон в ушах.

Я посмотрела на изумрудные зерна. Они пульсировали в такт моему сердцу. Это был вызов. Прямой, наглый, сказочный вызов моему профессионализму.

— Значит, семена, — я закрыла коробочку и спрятала её за пазуху, чувствуя, как тепло мха согревает кожу. — Значит, испытание. Ну что ж, Морозко... Ты даже не представляешь, на что способен агроном, доведенный до азарта.

Я посмотрела в зеркало. Отражение всё еще было Марфушиным, но взгляд... взгляд в нем принадлежал женщине, которая только что получила свой самый главный контракт.

— Настя! — позвала я, и мой голос прозвучал так уверенно, что Маманя в кресле вздрогнула и проснулась. — Завтра мы начинаем строить теплицу. И мне всё равно, что за окном февраль. У нас будет лето. Собственное, контролируемое и высокодоходное лето.

Я улыбнулась своему отражению. Сказка перестала быть просто декорацией. Она стала полем битвы. И я была намерена собрать на нем самый лучший урожай в истории этой реальности.

Глава 9

Ребрендинг Марфушеньки: от свеклы к натюрелю

Я проснулась от того, что в мой нос бесцеремонно уткнулся солнечный луч, пробравшийся сквозь чистую — спасибо вчерашнему клинингу — слюду окна. Но главным раздражителем был не свет. Запах. Тот самый густой, пьянящий аромат спелой земляники, который источала коробочка, спрятанная у меня под подушкой, смешивался с морозным духом избы.

Я села, ощущая, как тело Марфуши отозвалось привычным протестом — мол, «куда такую рань, мы же еще не все пироги досмотрели во сне». Но я решительно свесила ноги с лавки. Хватит. Если я собираюсь строить здесь агро-империю, начинать нужно с фасада. В прямом смысле.

— Настя! — позвала я, и голос мой прозвучал на удивление чисто. — Настенька, деточка, тащи монитор! В смысле, зеркало!

Из сеней выскочила сестра. Вид у неё был... специфический. Вчерашний сеанс трудотерапии явно пошел ей на пользу — глаза блестели, спина чуть выпрямилась, но в руках она сжимала медный таз, до блеска натертый песком.

— Ивана нет еще, сестрица, — прошептала она, ставя таз на лавку. — Он зеркало-то на ярмарку понес, у ювелира какого-то оправу поправить, ты ж велела... А я вот, таз начистила. В него глядись, всё видать.

Я подошла к импровизированному зеркалу. Из отражения на меня глянуло нечто, что в моем прошлом мире назвали бы «техногенной катастрофой в косметическом отделе». Даже после вчерашней помывки поры были забиты сажей, а щеки отливали нездоровой багровостью — свекла, судя по всему, обладала здесь свойствами перманентного татуировочного пигмента.

— М-да, — я потрогала кожу. — Как я и подозревала. Верхний слой эпидермиса истощен агрессивной средой и сомнительными удобрениями. Почва лица требует глубокой рекультивации и мелиорации. Настя, если я в таком виде выйду на переговоры с серьезными инвесторами... ну, то есть с лешим или Морозко, они решат, что у меня рентабельность отрицательная.

— Чего, сестрица? — Настя захлопала ресницами. — Опять ты словами странными... Побелилась бы ты, Марфушенька. Хочешь, я тебе свеколки свежей принесу? У матушки в закромах еще с осени лежит, сочная, ядреная! Ох и наругаемся!

Я медленно повернулась к ней.
— Свеколки? Настя, послушай меня внимательно. С этого момента свекла в этом доме переходит из разряда «косметические средства» в разряд «ингредиент для борща». Это приказ по холдингу. Несоблюдение карается штрафными санкциями в виде лишения вечернего чая.

В этот момент в горницу, шурша юбками и сопя, как паровоз, ворвалась Маманя. В руках она торжественно несла блюдо с углем и огромную, лоснящуюся свеклину.

— Проснулась, ягодка! — Маманя просияла, её лицо само представляло собой выставку достижений свекольной промышленности. — Давай, доченька, подкрасимся! А то бледная ты какая-то, словно сметана вчерашняя. Иван во дворе крутится, забор подпирает, заглядывает! Надо красу-то навести, чтоб у парня сердце в пятки ушло!

— Маманя, — я выставила руку вперед, пресекая попытку «нанесения макияжа». — Отставить агрессивный маркетинг. Ваша стратегия по продвижению моего бренда безнадежно устарела. Эти «боевые раскраски» отпугивают платежеспособную аудиторию. Мы уходим в сегмент экологичного люкса.

— Чего?! — Маманя выронила свеклу. Та с сочным звуком «шлеп» приземлилась на вымытый пол. — Какого люкса, Марфушенька? Ты чего это, мать родную не слушаешь? Тебя ж замуж надо выдать, пока ты... это... в разум не вошла окончательно!

— Именно потому, что я в него вошла, я объявляю конфискацию, — я решительно подошла к её сундуку, который стоял у печки. — Так, уголь — в топку. Свеклу — в погреб. А вот это что?

Я извлекла из недр сундука сверток с белым порошком. Лизнула.
— Мел. И... кажется, свинец? Маманя, вы меня отравить решили? Это же белила времен Ивана Грозного!

— Так все белятся! — запричитала матушка. — Лицо чтоб белое было, как холст, а щеки — как зори! Чтоб издалека видать!

— Издалека меня и так видать будет — по интеллектуальному превосходству в глазах, — я безжалостно свалила всю «косметику» в мусорное ведро. — Настя! Неси овсянку. И простоквашу. Ту, что вчера заквасили.

— Овсянку? — Настя округлила глаза. — Есть будем, сестрица? Так еще не варили...

— Мазать будем. Начинаем процедуру глубокого детокса и регенерации.

Следующий час в избе напоминал подпольную алхимическую лабораторию. Маманя сидела на лавке, подперев щеку рукой, и с видом глубокого траура наблюдала, как я руковожу процессом. Настя, под моим чутким контролем, толкла овсяные хлопья в ступке, смешивала их с густой простоквашей и добавляла туда капельку меда (выпрошенного у Мамани под предлогом «для пользы дела»).

— Настя, теперь бери мочалку из лыка. Самую мягкую. Сначала распариваем кожу над паром от картошки... — я указала на кипящий чугунок. — Только без фанатизма, мне нужно раскрыть поры, а не сварить лицо для холодца.

— Сестрица, — Настя робко коснулась пальцем смеси в плошке. — А можно и мне... чуть-чуть? У меня вот здесь, от мороза, кожа-то трескается...

Я посмотрела на сестру. Кожа у неё была тонкая, бледная, замученная холодом и отсутствием нормального ухода.
— Не «чуть-чуть», Настенька. А полную процедуру. Садись рядом. В нашем агрохолдинге все сотрудники должны иметь презентабельный вид. Если ты будешь выглядеть как пожухлая ботва, то какой из тебя менеджер по логистике?

— Менеджер... по ло-чего? — Настя послушно присела на край лавки.

— Просто сиди и впитывай полезные вещества, — я начала наносить густую овсяную массу на лицо Марфушиного тела.

Ощущение было... странным. Холодок простокваши приятно успокаивал воспаленную кожу. Я чувствовала, как «овсяные микросферы» (ну, или просто дробленные зерна) начинают вытягивать из пор многолетний слой сажи и свекольного консерванта.

— Значит так, Настя, пока лежим с масками — слушай внимательно, — я закрыла глаза. — Почему ты вечно горбишься? Почему глаза в пол? Ты что, дебиторская задолженность, чтоб тебя все скрывали?

— Так... матушка говорит... сиротка я... — послышалось шлепанье губ Насти под слоем простокваши.

— Матушка много чего говорит. А я говорю — расправь плечи. Ты — мой заместитель. Ты — человек, который будет контролировать потоки семян и урожая. Если ты сама себя считаешь ветошью, то и Морозко будет об тебя ноги вытирать. А нам с тобой нужно выглядеть на все сто процентов уставного капитала! — я назидательно подняла палец, стараясь не стряхнуть с него овсяную кашу. — И нам с тобой предстоит строить агроимперию, Настя. А в империи имидж — это половина успеха.

Настя замерла, боясь шевельнуться. Сквозь слой простокваши видны были только её испуганные, но любопытные глаза.
— Поняла, Марфушенька... — прошептала она. — Только... не будет ли это грехом? Матушка говорит, что красота — она от лукавого...

— Красота, Настенька, — это ликвидный актив, — отрезала я. — А лукавый тут ни при чем. Лукавство — это когда вместо качественного товара впаривают гниль под слоем свеклы. Мы же занимаемся предпродажной подготовкой.

Маманя в углу только горестно икнула. Для неё рушились основы мироздания. Её любимая доченька, которая раньше могла целый день пролежать на печи, выбирая самый крупный леденец, теперь рассуждала как налоговый инспектор на выездной проверке.

— Так, время экспозиции вышло, — скомандовала я, чувствуя, как маска начинает стягивать кожу. — Настя, тащи ковш. Будем проводить финишное ополаскивание. Но не просто водой, а той, что в сундуке Морозко за ночь подтаяла. Там ионы серебра и магический холод. Сузим поры до состояния «экстра».

Когда я плеснула себе в лицо ледяной, обжигающей свежестью водой, дух захватило. Кожа отозвалась покалыванием, словно тысячи маленьких иголочек принялись за дело. Овсяный скраб мягко отшелушил всё лишнее — и вековую пыль, и ту самую вьедливую свеклу, и остатки сажи.

Я выпрямилась, вытираясь чистым льняным полотенцем, и посмотрела в медный таз.

— Ого, — вырвалось у меня.

Из полированной поверхности на меня глядела... женщина. Настоящая. Статная, с широкими скулами и ясным, волевым взглядом. Кожа стала ровной, матовой, с легким естественным румянцем — не тем ядреным, от которого хочется зажмуриться, а здоровым, как после долгой прогулки на лыжах. Даже Марфушины губы-вареники подтянулись и приобрели четкий контур.

— Батюшки-светы... — Маманя сползла с лавки на пол. — Это кто ж это? Настенька, гляди... Подменили! Точно подменили! Ведьмина это вода! Марфушенька, где ж ты?! Где ж кровинушка моя краснощекая?!

Матушка запричитала так, будто я как минимум потеряла конечность, а не слой грязи.

— Маманя, прекратите сеанс необоснованной паники! — я повернулась к ней. — Это и есть я. Только без спецэффектов. Посмотрите на Настю.

Настя стояла рядом, робко ощупывая свое лицо. Она тоже преобразилась — кожа засияла, глаза на чистом лице стали еще огромнее. Из затюканной замарашки она превратилась в нежную, хрупкую красавицу.

— Я... я словно заново родилась, сестрица, — прошептала она, глядя на свои руки. — Словно тяжесть какая с лица сошла.

— Это сошел слой некомпетентности, — я удовлетворенно кивнула. — Так, быти-реформа завершена. Переходим к этапу социализации. Нужно показать обновленный бренд целевой аудитории.

Я накинула тулуп — теперь он казался мне не таким уж тяжелым, скорее солидным, — повязала платок аккуратным узлом под подбородком, избегая пафосных нагромождений, и решительно шагнула к двери.

— Настя, за мной. Маманя — на хозяйство. И не вздумайте искать свеклу, я её перепрятала.

Мы вышли на крыльцо. Февральское солнце ослепительно сверкало на свежем снегу. Мороз бодрил, но уже не казался врагом — теперь мы были в одной команде.

У забора, как и ожидалось, ошивался Иван. Он подпирал плечом новую калитку, лениво покусывая травинку и поглядывая на окна в ожидании «представления». Рядом с ним пристроились две местные кумушки — тетка Дарья и молодуха Фекла, главные ретрансляторы деревенских сплетен. Они что-то оживленно обсуждали, периодически тыча пальцами в сторону нашего дома.

— Гляди, Ваня, — донесся до меня голос Дарьи. — Сейчас выплывет чудо-юдо свекольное. Ох и наградил её Дед в лесу, говорят, она теперь вовсе умом тронулась, калитки есть велит...

Иван хохотнул, поправляя шапку. — Да ладно вам, бабы. Марфутка — она хоть и с прибабахом, зато приданое...

Он осекся.

Я медленно спустилась со ступенек, держа спину так, будто в неё вшили стальную рельсу. Настя следовала за мной, стараясь не отставать.

Тишина наступила такая, что было слышно, как в соседнем лесу падает иголка с ели.

Иван медленно выпрямился. Травинка выпала из его приоткрытого рта. Он смотрел на меня, и в его глазах медленно, как в замедленной съемке, погружалось обновление системы.

— Марфуша?.. — выдавил он. — Ты чего... заболела? Бледная какая-то. И... это...

Он не мог подобрать слов. Его взгляд метался по моему лицу, не находя привычных ориентиров в виде угольных бровей и свекольных пятен. Вместо комичного персонажа перед ним стояла властная, красивая женщина с ледяным спокойствием в глазах.

— Доброе утро, подрядчик, — сказала я, останавливаясь в двух шагах от него. — Вижу, забор стоит. Это радует. Но почему ты простаиваешь? Время — деньги, Иван. А в нашем случае — время это риск заморозить посевную.

Кумушки за забором синхронно перекрестились.
 — Чур меня! — прошептала Дарья. — Голос-то её, а рожа — не её! Обобрали девку лешие! Красу-то украли!

— Краса, Дарья, — я повернулась к соседке, и та непроизвольно вжала голову в плечи, — это не то, что нарисовано сажей. Это то, что приносит результат. А мой результат вы увидите очень скоро. Иван!

— А? — парень вздрогнул, преданно заглядывая мне в рот.

— Бери топор. Бери Микулу и его сыновей. Нам нужны бревна. Много бревен. И старые рамы от боярских теплиц, если сможешь достать. Начинаем проект «Зимняя сказка».

— Марфут... то есть, Мария Викторовна... — Иван запнулся, сам не понимая, почему назвал меня так официально. — Да какие теплицы? Мороз же! Снег по пояс! Люди засмеют...

— Люди смеются над теми, кто сидит без дела и ждет весны, — я подошла к нему вплотную, и Иван непроизвольно вытянулся во фрунт. — А мы весну сделаем сами. Прямо здесь, за этим забором. И если ты хочешь быть в доле, — я выразительно посмотрела на Настю, которая тут же покраснела, — то советую начать работать головой и руками одновременно.

Иван посмотрел на Настеньку — чистую, свежую, преображенную. Потом на меня — уверенную и пугающе рациональную. В его голове явно шел сложный процесс переоценки ценностей.

— Сделаю, — твердо сказал он, поправляя ленточку на шапке. — Коли ты так говоришь... сделаю. Бревна будут. И рамы найду. У купца Савельева на складе лежали, он их еще в прошлом году списать хотел.

— Отлично. Договорись о дисконте. Скажи — от Марфуши. Он поймет, — я кивнула и развернулась к дому. — Настя, идем. У нас чертежи не рисованны.

Я заходила в избу, чувствуя на спине десятки взглядов. Ребрендинг прошел успешно. Социальный капитал начал расти, а страх перед неизвестным превратился в уважение перед силой.

— Настя, — сказала я, когда мы закрыли дверь, — доставай уголь. Но не для бровей. Будем чертить схему отопления. Пора переходить от эстетики к инженерии.

Я бросила взгляд на сундук Морозко. Он мерцал, и мне показалось, что на его ледяной крышке на секунду проступил одобрительный смайлик. Ну или это просто была игра света. Но я знала одно: завтра здесь будет стоять первая в этой сказке теплица. И клубника — это только начало моей экспансии.

Глава 10

Проект «Зимняя сказка»: Теплица на курьих ножках

Я сделала глоток из тяжелой глиняной кружки. Травяной сбор, который Настенька ласково называла «утренним бодряком», на вкус напоминал заваренное сено с легким послевкусием экзистенциального кризиса. В моем прошлом мире за такой «крафтовый чай» в хипстерской кофейне содрали бы пятьсот рублей, но здесь это был суровый производственный напиток, призванный заставить мозг шевелиться в условиях хронического дефицита глюкозы.

Напротив меня сидела Маманя. Она всё еще периодически вздрагивала, когда мой взгляд падал на неё. Моё «новое» лицо — чистое, без капли свеклы и сажи — действовало на неё как святая вода на мелкого беса. Она то и дело порывалась перекреститься или спрятать под лавку тарелку с остатками заветренного сала.

— Маманя, прекратите вибрировать, вы нарушаете мою концентрацию, — я поставила кружку на выскобленный до белизны стол. — Нам нужно обсудить бюджетную политику на текущий квартал.

— Чего обсудить, ягодка? — пискнула матушка, осторожно отодвигая от себя ломоть хлеба. — Какую такую политику? Мы ж... это... щи доели, кашу доварили. Батюшка твой на заработки уехал, вернется — привезет копейку.

— Копейка — это не прибыль, это погрешность, — я сложила руки на груди. — Анализ складских остатков показал, что мы находимся в глубоком операционном пике. Картошка вялая, мука с сомнительными добавками в виде долгоносиков, а Зорька дает молока меньше, чем я выдаю дельных советов за час. Если мы продолжим просто «проедать» ресурсы, к марту нам придется закладывать дом или переходить на питание корой.

— Ой, батюшки! — Маманя всё-таки перекрестилась. — Да как же так? Всю жизнь так жили!

— И это была деструктивная модель поведения, — отрезала я. — Чтобы выйти в плюс, нам нужен высокомаржинальный продукт. Эксклюзив. То, чего нет ни у кого в радиусе ста верст. Нам нужна теплица.

Маманя замерла с открытым ртом. Из её рук выпала ложка и с сухим стуком покатилась по полу.
— Теп... чего? Доченька, ты опять словами заморскими кидаешься? Опять тебя в лесу Морозко покусал?

— Теплица, маманя. Крытый огород с подогревом. Место, где лето будет круглый год, несмотря на то, что за окном февраль и волки воют от досады. Мы будем выращивать зелень, лук, а если повезет — и кое-что подороже.

Я встала и подошла к сундуку. Он стоял в углу, окутанный легким маревом холода. Достала один из осколков «Вечного льда» — небольшой прозрачный ромб, который пульсировал мягким лазерным светом.

— Настя! — позвала я. — Тащи свечу. И поближе к печке подходи.

Настенька, которая до этого момента тихо протирала полки, бочком подобралась к нам. В её глазах читался интерес, смешанный с готовностью в любую секунду нырнуть под лавку.

Я поднесла осколок льда к открытой дверце печи, где догорали угли.
— Смотрите внимательно. Это — основы магической термодинамики.

Маманя и Настя вытянули шеи. По логике вещей, лед должен был превратиться в лужицу за считанные секунды. Но Морозко не был бы волшебным, если бы его подарки работали по школьному учебнику физики.

Как только жар от углей коснулся грани кристалла, лед не растаял. Он начал... светиться ярче. Голубое сияние сменилось теплым, золотистым оттенком. Но самое поразительное началось через мгновение: кристалл стал поглощать жар из печи, как мощный пылесос, и тут же

начал переизлучать его через свои боковые грани. Только это был не просто жар, а мягкое, обволакивающее инфракрасное излучение, от которого по коже побежали приятные мурашки. Воздух в радиусе метра мгновенно прогрелся до состояния курортного Сочи в разгар сезона.

— Ой, тепло-то какое... — выдохнула Настя, протягивая руки к камню. — Словно солнышко в ладошке.

— Это не солнышко, Настя. Это инновационный обогреватель с КПД выше трехсот процентов, — я довольно хмыкнула. — Этот лед работает по принципу инверсии. Он всасывает огонь и выдает мягкое тепло, при этом сам не разрушается. У нас есть бесконечный источник энергии. Теперь нам нужен корпус. Цех. Помещение.

Я развернулась к стене. Вчера мы её так старательно отмывали, что теперь она сияла свежим деревом, как чистый лист ватмана. Моя рука сама собой потянулась к печи. Я выудила из золы крупный, еще теплый уголек.

— Марфушенька, ты чего это? — Маманя вскочила, прижимая руки к груди. — Стенку-то... стенку-то за что?! Мы ж её вчера песком драли! Полгода чистоты не видели, а ты её пачкать?!

— Это не пачкотня, маманя. Это инженерная документация, — ответила я, проводя жирную черную черту по центру стены. — Проектирование Теплицы 1.0 объявляю открытым.

Маманя охнула и осела на лавку. Настя же подошла ближе, глядя, как уголь в моих руках вычерчивает странные, но удивительно логичные линии.

— Смотрите, — я вошла в раж. Рисование чертежей всегда успокаивало мои нервы. — Нам нельзя строить прямо на земле. Грунт промерз на два метра, он будет высасывать тепло, как кредиторы — последнюю копейку. Нам нужен свайный фундамент. Высокие сваи.

Я нарисовала основание на длинных, мощных столбах. — Теплица на курьих ножках. Только без курьих ног, а на дубовых сваях. Под полом должен гулять ветер, чтобы холод от земли не касался настила.

— На ножках? — Настя хихикнула. — Прямо как у Яги?

— У Яги — устаревшая модель с плохой навигацией, — я продолжала чертить. — У нас будет стационарный объект. Крыша — под наклоном в сорок пять градусов к южной стороне. Нам нужно ловить каждый фотон скудного зимнего солнца. Стены — двойные, с воздушной прослойкой. Воздух — лучший теплоизолятор, если его правильно запереть.

Я рисовала схемы вентиляционных отверстий, систему зеркал из полированной меди (которую планировала вытребовать у Ивана или Мамани) и, конечно, «сердце» системы — пьедестал для Вечного Льда в самом центре.

Стена за пять минут превратилась в сложный чертеж. Со стороны это, наверное, выглядело как бред сумасшедшего или злое чернокнижие. Маманя уже не причитала — она просто молча крестилась на каждый мой зигзаг, закрыв глаза и шепча молитвы от сглаза.

— Настя, — я повернулась к сестре, оттирая пальцы от угольной пыли. — Ты теперь — начальник отдела снабжения. Твоя задача: найти в деревне всё, что может пропускать свет. Нам нужны старые оконные рамы. Много рам. Слюда, бычьи пузыри, если повезет — стекло из боярских запасов. Иван говорил, у купца Савельева на складе лежат списанные рамы. Твоя миссия — провести разведку. Узнай цену. Если будет ломить — скажи, что я приду сама и проведу аудит его личных грехов. Поняла?

Настя сглотнула, но кивнула. — Поняла, сестрица. К Савельеву схожу. Он, правда, жадный, как сто чертей, но... я попробую.

— Не «попробую», а проведешь предварительные переговоры, — поправила я. — Скажи, что нам нужны неликвиды. Старье. То, что он всё равно выкинет. А мы ему за это... ну, придумаем, чем расплатиться. Рекламой на фасаде или скидкой на будущий урожай.

Я подошла к окну. Там, за чистым стеклом, белела бесконечная снежная пустыня. Она казалась мертвой, но я знала: там, под снегом, спит огромный потенциал. Нужно только дать ему толчок.

— Мама, хватит изображать статую скорби, — я подошла к матери и легонько встряхнула её за плечо. — Мы не чертовщиной занимаемся. Мы занимаемся выходом на самоокупаемость. Через месяц у вас на столе будет свежий салат. А в кошельке — золото. Не от Морозко, а наше, заработанное.

— Салат? — Мама открыла один глаз. — Это трава, что ль, зеленая? Коровья еда? Кто ж её зимой-то купит, Марфуш?

— Богатые купцы купят. Бояре, которым надоело жрать одну солонину и репу. Им не хватает витаминов, мама. А витамины — это то, за что люди готовы платить тройную цену, когда у них начинается цинга. Мы будем торговать здоровьем.

Я снова посмотрела на свой чертеж. Он выглядел дерзко. Смело. Немного безумно.

Вечером, когда Настя ушла «в разведку», а Мама уснула, уткнувшись носом в подушку (наверное, ей снились кошмары про теплицы-убийцы), я вышла во двор.

Мороз ударил в лицо ледяной ладонью. Тишина стояла такая, что было слышно, как лопаются от холода стволы деревьев в лесу — гулкие, далекие выстрелы зимней войны. Я дошла до середины двора, туда, где планировала вбить первый колышек.

Лес на горизонте казался черной, ошетилившейся стеной. Я знала, что где-то там, в ледяных чертогах, Велемир сейчас, возможно, смотрит на меня через свое зеркало.

— Ну что, Дед? — громко сказала я в пустоту. — Чертежи готовы. Команда сформирована. Инфраструктура в процессе закупки. Твои семена скоро пойдут в рост.

Я вдохнула колючий воздух. — Знаешь, в моем мире говорили, что сельское хозяйство — это черная дыра для денег. Но они просто не пробовали работать с Вечным Льдом. Я выращу твою клубнику. И не потому, что ты так велел. А потому, что у меня план на три квартала вперед, и неустойка в него не входит.

Лес ответил коротким, резким порывом ветра, который швырнул мне в лицо горсть снега. Словно старик Морозко усмехнулся там, в своей чаще.

Я развернулась и пошла к дому. Мои валенки оставляли на снегу глубокие, уверенные следы. Завтра здесь застучат топоры. Завтра Иван почувствует, что такое настоящий трудовой договор. А Настя поймет, что снабжение — это искусство.

Я зашла в горницу, взглянула на угольные линии на стене. В лунном свете они казались живыми, пульсирующими.

«Завтра — первый колышек», — подумала я, забираясь на теплую печь. — «А в марте — первая прибыль. И пусть попробует хоть один сорняк вырасти без лицензии».

Сон пришел мгновенно. Мне снились бесконечные прозрачные стены, за которыми бушевало лето, и красные ягоды, светящиеся во тьме, как маленькие рубины. Сказка обретала четкие контуры бизнес-плана. И этот план был безупречен.

Глава 11

Трудотерапия для самовлюбленных

Я вышла на крыльцо, когда солнце только-только начало вылизывать острые верхушки елей на горизонте. Мороз за ночь окреп и теперь кусался с грацией голодного крокодила. Воздух был настолько сухим и колючим, что казалось, будто я вдыхаю мелко битое стекло. Пахло березовым дымом, замерзшим навозом и моим собственным решительным настроем.

Вчерашние чертежи на стене всё еще стояли перед глазами. В моем прошлом мире я бы наняла бригаду профессионалов с буровой установкой и забыла бы о проблеме, но здесь моим единственным «инструментом автоматизации» был Иван.

Сам «инструмент» уже ошивался у забора — вернее, у того художественного пролома, который оставила после себя Турбина. Иван выглядел как ожившая иллюстрация к сборнику «Как казаться крутым, не имея на то оснований». Тулуп нараспашку, шапка на одном ухе, в зубах — замерзшая соломинка. На его физиономии блуждала та самая ухмылка, которую я обычно лечила лишением премии в первый же день испытательного срока.

— Здорово, Марфут! — он картинно привалился к столбу, который жалобно заскрипел. — Чо, опять командовать вышла? Гляжу, личико-то отмыла, а гонору прибавилось. Соседи болтают, ты полстены углем измазала, бесов вызываешь?

Я медленно спустилась со ступенек. Снег под валенками не просто хрустел — он взвизгивал, словно я наступала на хвост очень маленькому и злобному демону.

— Иван, — я остановилась в трех шагах от него, заложив руки за спину. — Твой визуальный контент сегодня на высоте, а вот продуктивность вызывает вопросы. Ты стоишь здесь уже десять минут, и за это время КПД твоего присутствия равен нулю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.